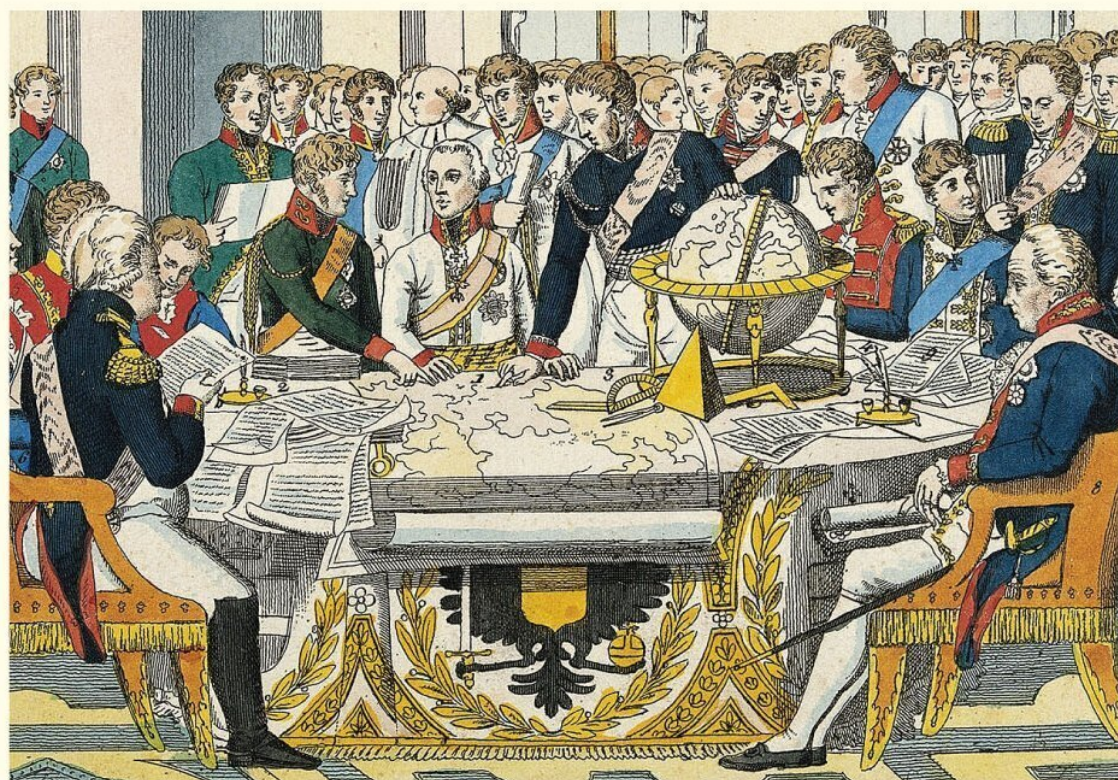

Э л и с В и р т ш а ф т е р

ОТ ПОБЕДЫ К МИРУ

Русская дипломатия после Наполеона

СОВРЕМЕННАЯ
ЗАПАДНАЯ РУСИСТИКА

И С Т О Р И Я

Современная западная русистика /
Contemporary Western Rusistika

Элис Виртшалфтер

**От победы к миру. Русская
дипломатия после Наполеона**

«Библиороссика»

2021

Виртшалфтер Э.

От победы к миру. Русская дипломатия после Наполеона /
Э. Виртшалфтер — «Библиороссика», 2021 — (Современная
западная русистика / Contemporary Western Rusistika)

ISBN 978-5-907532-73-1

Исследование Элис Виртшафтер посвящено тому, как российские дипломаты после Наполеоновских войн понимали идею европейской безопасности и работали над доктриной восстановления и поддержания мира, реализованной в договорах 1814, 1815 и 1818 годов. Внешняя политика Александра I зачастую воспринимается как жесткая и экспансионистская, но работа Виртшафтер оспаривает такие оценки, показывая прагматичность Российской империи и ее стремление действовать в согласии с другими влиятельными европейскими государствами.

ISBN 978-5-907532-73-1

© Виртшалфтер Э., 2021
© Библиороссика, 2021

Содержание

Предисловие	6
Благодарности	9
Сокращения	10
Комментарий о летоисчислении	11
Введение	14
Глава 1	29
Правовое урегулирование	32
Моральное урегулирование: Священный союз	39
Могущество России и политические отношения в Европе	44
Глава 2	58
Всеобщий союз европейских государств	60
Заседания и протоколы Аахенского конгресса	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Элис Кимерлинг Виртшафтер
От победы к миру. Русская
дипломатия после Наполеона

«Свету моей души», Лондону и Папи

Предисловие

В отличие от сегодняшнего положения России, которая находится на политической и психологической окраине Европы, период от окончания Наполеоновских войн и до Крымской войны (1853–1856), а по некоторым спорным оценкам – до Октябрьской революции 1917 года, представлял собой время полной интеграции в политическую и социальную жизнь Европы. В этот период Четверной союз, Всеобщий союз, великий союз и европейская политическая система были краеугольными камнями русской дипломатии. Россия возглавляла коалицию, одержавшую победу над Наполеоном в 1813–1814 годах, русская армия с доблестью и честью сражалась в 1812 году, а император России предстал в глазах своих подданных и приближенных помазанником Божьим, посланным для спасения Европы. С точки зрения России славная победа 1812 года и последующие войны, лишившие Наполеона трона, демонстрировали, что император Александр I (г. п. 1801–1825) и его народ вместе с союзниками служили в исторической перспективе инструментом Божественного Провидения. Неудивительно, что для российских монарха и дипломатов достигнутый в 1814–1815 годах мир и миротворческая деятельность, которая последовала за этим на протяжении нескольких лет, тоже казались ниспосланными свыше.

Основные контуры того, что современники называют европейской политической системой, были выработаны на Вестфальском конгрессе, на котором правители и дипломаты признали в качестве фундамента европейского порядка суверенитет государств (а не империй, династий или религиозных верований). Основываясь на принципе, что государственный суверенитет дает каждому правительству право выбирать для своей страны свои религию и политическую структуру, не опасаясь вторжения извне, миротворцы также утвердили принцип баланса сил между независимыми государствами, направленный на то, чтобы сохранить равновесие в Европе и не позволить одной стране стать достаточно сильной, чтобы добиться гегемонии. В конечном итоге Вестфальские соглашения не помешали революционной Франции нарушить это равновесие или наполеоновской Франции доминировать над Европой. Таким образом, после военной победы над Наполеоном возникла необходимость перестроить европейскую государственную систему. После примерно 25 лет ожесточенных битв, хрупких коалиций и утомительной дипломатии правители и дипломаты Континентальной Европы стремились создать устойчивый мир и готовились пойти на существенные компромиссы ради достижения этой цели. В целом ряде многосторонних договоров, конвенций и протоколов, созданных в первую очередь, но не исключительно в Париже и на Венском конгрессе (1814–1815), политические лидеры пересмотрели публичное право Европы, на основании чего позже возник правовой фундамент для международной дипломатии и отношений между правительствами и народами.

Поколениями историки изучали дипломатическую игру, которую вели между собой европейские политики в период Французской революции, Наполеоновской империи и миротворческого процесса, последовавшего за победой над Францией. Качество этих исследований впечатляет, однако дипломатия данного периода продолжает увлекать и задавать сложные вопросы. В последние десятилетия пересмотр структуры Европы на Венском конгрессе рассматривался в качестве образца многосторонней дипломатии и договоров о коллективной безопасности, создавших прецеденты для сегодняшней Организации объединенных наций и Европейского союза. Кроме того, историки продвинулись от упрощенного описания действий России к признанию решающей и часто благотворной роли императора Александра I. Научные взгляды стали более разнообразными, однако важные аспекты европейской политики остаются все еще недостаточно изученными. Это касается и понятийного аппарата,

разработанного в дипломатическом дискурсе, и отношения дипломатии к национальным или местным разновидностям политической культуры.

Среди великих держав Европы в период Реставрации Российская империя менее всех интегрирована в историографию как прошлого, так и настоящего времени. Исследуя русскую дипломатию в период с 1815 по 1823 год, эта книга призвана расширить доступную историкам базу знаний и помочь в заполнении поразительных пробелов в историографии. Начав работу непосредственно после Венского конгресса и продолжив ее вплоть до конгресса в Вероне, государственные мужи Европы безуданно трудились ради воплощения доктрины восстановления и поддержания мира, разработанной в 1814, 1815 и 1818 годах. Они завершили территориальные переговоры, кодифицировали политические соглашения и вернули побежденную Францию в союз великих держав. Что не менее важно, им удалось подавить опасные восстания и снять военную напряженность в Европе, Османской империи и испанских колониях в Америке. В свете всех этих изменений надежды Александра I на мир, его прагматизм и гибкость, его готовность действовать сообща с другими великими державами пришлось как нельзя кстати. Пристальное внимание к русской дипломатии, согласно российским источникам, не позволяет назвать поведение Александра эксцентричным, а его внешнюю политику – деспотичной и экспансионистской. Действительно, при попытке осознать российское восприятие европейского порядка (так же как и восприятие с точки зрения других, менее исследованных стран и народов) историки сталкиваются с многосторонним подходом к Реставрации, основанным на реформах в духе Просвещения и непосредственном опыте дорогостоящих войн и переворотов.

Потребовались десятилетия для того, чтобы европейские историки начали переоценку европейской Реставрации и пересмотр своего видения достижений и последствий Великой французской революции. Представленное здесь исследование вносит свой вклад в обсуждение Реставрации на нескольких уровнях. Как уже было отмечено, эта книга обращает внимание на русскую дипломатию, которая все еще не получила должного внимания исследователей и остается на периферии европейской историографии. Более того, основное внимание уделяется не разбору политических маневров в рискованной дипломатической игре, а исследованию идей и понятий, определявших внешнюю политику России. Концептуальная история дипломатии ведет, в свою очередь, к сдвигу акцентов в сторону миротворческой динамики с более привычных тем, таких как строительство империи, зарождение этнонационализма или борьба между «прогрессом» и «реакцией». В заключение эта книга рассматривает то, как пересекались принципы и действия, чтобы понять, как Александр I и его дипломатические агенты представляли внешнюю политику России в Европе и мире, как они воспринимали свою деятельность (или хотели, чтобы воспринимали их деятельность) и как они намеревались установить и поддерживать устойчивый мир.

Предметное исследование того, что означало действовать сообща – «в концерте» (*concerter*), – стало основой для более детального анализа результатов Венского конгресса и роли России в европейском обществе, чем то, что представлено на данный момент в европейской историографии. Как государственные деятели России интерпретировали и представляли принципы, задачи, решения и цели внешней политики Александра I? Как они отвечали на события на местах при реализации миротворческого процесса? Чтобы ответить на эти вопросы, в процессе исследования потребовались десятки лет работы в российских военных и дипломатических архивах. Доступ к архивам, особенно после окончания холодной войны, расширил знания историков о социально-экономическом, институциональном и культурном контексте внешней политики. Уже в 1980 году автор начал работу в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА) СССР. Исследователям, таким как Патриция Кеннеди Гримстед, чья книга «Министры иностранных дел Александра I» 1969 года остается фундаментальной, не хватало возможности регулярно обращаться к архивам. На протяже-

нии 1960-х годов ЦГВИА и Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ) были закрыты для иностранных исследователей. Сегодня, в условиях посткоммунистической атмосферы открытого научного обмена, книга Гримстед остается самым свежим англоязычным исследованием персоналий и политической мысли, стоявших за внешней политикой Александра I. Иными словами, требуется выполнить большой объем работы, чтобы история русской дипломатии была так же тщательно изучена, как дипломатия Австрии, Великобритании или Франции. Нет лучшего способа понять цели и амбиции текущей внешней политики России, чем через изучение дипломатического поведения и идей, на основании которых были приняты конкретные решения в прошлом.

Благодарности

Исследование для этой книги было проведено в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и Архиве внешней политики Российской империи (АВП РИ) во время моих поездок в Москву в 2013, 2017 и 2019 годах. Я благодарна администрации и сотрудникам этих учреждений за предоставленный доступ к богатым архивным фондам и создание профессиональной рабочей обстановки. Я начинала свое исследование как приглашенный профессор на факультете истории в Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики» в Москве, где имела замечательную возможность преподавать российским студентам и общаться с коллегами из России. Выражаю особую благодарность А. Б. Каменскому, декану факультета, за организацию моего пребывания. В 2017 году моему исследованию также помогло приглашение стать участником Международной конференции «Что такое Просвещение? Новые ответы на старый вопрос», проходившей в московском Музее-усадьбе «Кусково».

Благодаря статусу приглашенного профессора Тюбингенского университета, что было организовано Ингрид Ширли при спонсорской поддержке Германской службы академических обменов (DAAD), 2017 и 2018 годы я плодотворно провела за написанием исследовательской работы и в дискуссиях с коллегами. В Тюбингене, будучи гостем Института восточноевропейской истории и регионоведения под руководством Клауса Гествы, я получила возможность преподавать, представлять свое исследование и помогать в организации международных семинаров. Я также воспользовалась возможностями представить свое исследование в других университетах Германии: в Мюнхене, Фрайбурге и Бонне. Я благодарна принимающей стороне, сотрудникам, коллегам и студентам, благодаря которым эти мероприятия успешно состоялись.

Я также благодарна организаторам двух международных научных конференций, на которых я смогла представить и обсудить исследование, изложенное в этой книге: 1) «Россия и Наполеоновские войны» при поддержке Фонда Фредерика Паулсена, Центра по изучению международных отношений и дипломатии Лондонской школы экономики и политических наук (LSE IDEAS) и Государственного исторического музея (ГИМ), состоявшейся в мае 2014 года в Межотне, Латвия; и 2) «The Price of Peace: Modernising the Ancien Régime? Europe 1815–1848», прошедшей в августе 2016 года в Парижской школе искусств и культуры Кентского университета.

В равной степени плодотворны были презентации исследования и дискуссии, организованные Валери Кивельсон в Мичиганском университете в городе Энн-Арбор (февраль 2019 года), Гейл Лейнхофф на Ежегодном зимнем семинаре Калифорнийского государственного исследовательского университета в Лос-Анджелесе (UCLA) по славистике Средневековья и раннего Нового времени (февраль 2014, 2015, 2018 годов) и Полом Вертом на Пустынном семинаре по русской истории Невадского университета в Лас-Вегасе (март 2017 года).

Я также благодарю свои родные стены, Калифорнийский государственный политехнический университет в Помоне, за предоставление долгосрочных и краткосрочных академических отпусков, которые позволили мне преподавать в Москве и Тюбингене. Также выражаю благодарность Ами Фарранто из издательства «Northern Illinois University Press», Кристин Воробец, Джанет Хартли и анонимному рецензенту – эти люди являют собой образец профессионализма и интеллектуальной добросовестности – за их предложения, комментарии, критику и редакторские советы, внесшие вклад в публикацию этой книги. В заключение я благодарю свою дочь Валери Виртшафтер за профессиональное редактирование и адаптацию карты, использованной на обложке этой книги.

Сокращения

АВПРИ Архив внешней политики Российской империи

Д. дело

Ф. фонд

Л. лист, листы

Мартенс, *Собрание* Ф. Мартенс. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами (*Recueil des Traités et Conventions, conclus par la Russie avec les puissances étrangères*), СПб.

об. обратная сторона

Оп. опись

ПСЗ Полное собрание законов Российской империи

РГАДА Российский государственный архив древних актов

СИРИО Сборник Императорского Русского Исторического Общества

Т. том

ВПР Внешняя политика России: документы Российского министерства иностранных дел

Комментарий о летоисчислении

В XIX веке в России использовался юлианский календарь (старый стиль), который на 12 дней отставал от грегорианского календаря, используемого в большинстве государств Европы (новый стиль). Поскольку российские дипломатические источники, как правило, указывают даты по старому стилю и далее (в скобках) по новому стилю, я вслед за российскими документами буду стараться приводить даты по двум календарям. Везде, где не указана дата по двум календарям, следует предполагать летоисчисление по новому стилю (несмотря на то что в российских источниках без двойного указания даты иногда непонятно, какое летоисчисление используется). При обсуждении внутренних дел России я использую даты по старому стилю, как это принято в русских научных исследованиях.

Карта 1. Европа в 1815 году. Автор: М. Бехтгольд (mike@blackflight.ca)

Карта 2. Детальная карта Италии. Автор: М. Бехтгольд (mike@blackflight.ca)

Карта 3. Детальная карта Балкан. Автор: М. Бехтгольд (mike@blackflight.ca)

Введение

Россия как великая европейская держава

Становление России как великой европейской державы началось с военных реформ и амбициозной внешней политики Петра I, чье правление (1682/1689–1725) для многих поколений историков олицетворяет трансформацию Московского царства в Российскую империю. В октябре 1721 года, одержав победу над Швецией в Северной войне (1700–1721), Петр I принял титул «Петра Великого, Отца Отечества, Императора Всероссийского». Ученые спорят, в чем заключается величие Петра, и по-разному оценивают эффективность, глубину и устойчивость преобразований в зависимости от того, о какой именно реформе идет речь¹. В отношении военной мощи и внешней политики Петровские реформы смогли решить ключевые проблемы, которые не удавалось преодолеть в рамках системы Московского царства. Это касается юридических механизмов, привязывавших государственную службу к социальному статусу, и взаимоотношений властей, связывающих монархию, церковную иерархию и дворянство. В то время как монархия обеспечивала военную мобилизацию европейского образца и соблюдение принципов Вестфальского мира о суверенности, Церковь и дворянство признавали необходимость в сильном государстве как гаранте их собственной безопасности и процветания. Начиная с правления Петра I монархи и дворянство также увидели, что импорт и адаптация европейских технологий и культурных моделей предоставляют лучшие возможности для противостояния европейским державам. Поэтому европеизация стала отличительной чертой правительственных реформ и символом общественного прогресса.

Более всего долгосрочное влияние Петровских реформ заметно в организации морского флота, регулярной армии, офицерского корпуса, командования и системы поставок. Однако рост военной силы также требовал реформирования основных социальных и политических институтов. Новый порядок, который будет действовать до отмены крепостного права в 1861 году, сыграл ключевую роль в военных успехах России во время Французской революции и Наполеоновских войн. Фактически России удалось реализовать систему всеобщего воинского призыва, основанную на крепостном праве и прикреплении людей к местным общинам и социальным группам, за десятилетия до возникновения французской гражданской армии. Военный призыв и способность мобилизовать экономические ресурсы позволили правительству России содержать многочисленную регулярную армию, благодаря чему стала возможной победа над Наполеоном. В отличие от того, как это происходило в революционной Европе, военные устремления России не проистекали из военно-политических амбиций идеологически мотивированных наций с оружием в руках [Bell 2007: 1–17]. Они происходили скорее из чисто физической необходимости, распространенной веры в Бога и Божественное провидение, готовности служить царю, верности семье, общине и стране – все это подкреплялось необычайной выносливостью и повсеместной угрозой применения насилия.

Согласно Соборному уложению 1649 года – своду законов Московского царства – все подданные царя принадлежали к установленным законом социальным категориям, выполняющим конкретные служебные обязанности и получающим взамен классовые привилегии. Начиная с 1719 года для проведения призыва и обложения подушными податями проводилась периодическая перепись населения мужского пола. Перепись населения, привязывавшая людей к общинам, в которых они родились, возлагала бремя защиты по большей части на работающие слои населения России, основная часть которого состояла либо из государственных кре-

---

¹ Англоязычные дискуссии о Петре I см. в [Bushkovitch 2016; Cracraft 2006; Hughes 2000].

стьян, либо из крепостных при помещиках. Горожане также предоставляли рекрутов и платили подушные, однако те, кто обладал достаточным капиталом для получения купеческого статуса, на ежегодной основе освобождались от этого. Дворянство и духовенство также освобождались от подушных, однако сыновья священников и нерукоположенные служители Церкви, которые не смогли получить назначение на церковную должность, могли быть призваны в особом порядке. Начиная с середины XVI века дворяне также несли обязательную военную или гражданскую службу. В теории их служба была пожизненной или до получения инвалидности и обеспечивала их право владеть землей и крестьянами. Хотя обязательная дворянская служба закончилась с принятием в 1762 году Манифеста о вольности дворянства, Петровские реформы государственной и военной службы и образования превратили дворянство в главный источник офицеров для русской армии. В соответствии с принятой в 1722 году Табелью о рангах², продвижение по службе стало основным способом движения вверх по социальной лестнице, что предоставляло дворянам возможность получить более высокий ранг, а простолюдином – дослужиться до дворянского чина. Поэтому русские потомственные и служилые дворяне, как и вся европейская знать, стремились построить военную карьеру в погоне за славой, честью, богатством и положением в обществе³.

Исследователи давно отметили удивительную способность России массово мобилизовывать человеческие и материальные ресурсы в условиях крестьянского общества, построенного на аграрных общинах. Уже в 1630–1631 годах, задолго до Петровских реформ, постоянные наборы в армию и пожизненная военная служба стали частью русской жизни. Во время Тринадцатилетней войны (1654–1667) в армию было призвано около 100 000 человек, число внушительное, хотя и меркнувшее по сравнению с призывами XVIII века. По оценкам ученых, рекрутский набор в петровскую армию составлял 205 000 человек с 1700 по 1711 год и, по крайней мере, 140 000 человек с 1713 по 1724 год. На момент смерти Петра I в 1725 году армия насчитывала 130 000 человек в регулярных войсках, 75 000–80 000 в гарнизонах и 20 000 в нерегулярных казачьих отрядах. К середине XVIII века численность вооруженных сил достигла 292 000 человек при 23 230 000 населения, а в 1800 году – 446 000 военных при 37 414 000 населения. По разным оценкам, с 1705 по 1801 год в русскую армию было призвано около 2,25 млн человек, а с 1796 по 1815 год — 1 616 199 человек. На момент окончания военных действий против Франции в 1815 году численность русской армии составляла 727 414 человек. Российская империя сохранила свой боевой потенциал на том же уровне до конца правления Александра I, а в относительно спокойные времена с 1815 по 1853 год армия могла разрастаться еще больше. С 1816 по 1855 год число рекрутов достигло 3 158 199 человек. По сравнению с 696 000 человек на момент вторжения Наполеона в 1812 году, численность русской армии перед самым началом Крымской войны составляла 859 000 человек [Wirtschafter 2013a: 394–395; Fuller 1992: 45–46; Hartley 2008: 8–11; Wirtschafter 1990: 3].

До конца XIX века российские источники крайне фрагментарны, и в случае с военной статистикой далеко не всегда бывает ясно, какие войска подсчитывают историки. В дополнение к постоянной регулярной армии военные структуры России состояли из гарнизонных войск, инвалидных рот, военных поселений, казаков и множества различных нерегулярных формирований под руководством этнических меньшинств. Отсутствие точной информации создает проблемы, однако можно сделать один важный вывод: имеющиеся цифры верно отображают объем административной работы, необходимой для организации призыва, подготовки и поддержания масштабных вооруженных сил России. Но сколько бы непродуктивной и произвольной временами ни казалась эта работа, она эффективно обеспечивала дорогие воен-

² Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был. Учреждена указом Петра I от 24 января (4 февраля) 1722 года. – *Примеч. ред.*

³ Обобщенное исследование сословий и воинской повинности см. в [Wirtschafter 1997].

ные победы и имперскую экспансию на протяжении длительного времени. Кроме способности мобилизовывать ресурсы на огромной, малонаселенной территории русские военные успехи демонстрировали стойкость имперских боевых частей⁴. Как сказал прусский король Фридрих Великий, враги считали, что «русского солдата мало убить, его надо еще и повалить»⁵. Слова Фридриха, несомненно, являются апокрифическими, однако, по многочисленным свидетельствам и согласно единому научному мнению, армия Александра I сражалась в войнах 1812–1814 годов с доблестью и честью [Lieven 2009].

Именно из-за военных триумфов военная мощь России стала источником беспокойства для других великих европейских держав. Во время дипломатических переговоров, которые последовали за победой над Наполеоном, союзники России не могли понять, почему в условиях мира Александр I не распускает своих солдат. Сохранение армии в боевой готовности, как это казалось со стороны, вызывало вопросы о намерениях монарха. На деле же размер и организация русской армии в мирное время были обусловлены скорее географическими, демографическими, экономическими, социальными и административно-правовыми условиями в Российской империи, чем военными планами. Русское командование очень хорошо понимало, что численность войск необходимо сократить не столько по дипломатическим, сколько по экономическим причинам. Однако в условиях общества, построенного на крепостном праве, проблема организации призыва и поддержания готового к мобилизации в военное время резерва не давала проводить значительные сокращения.

Русская полурегулярная крестьянская армия, если не находилась в походном состоянии или летних лагерях, в которых кроме военной службы выполняла и коммунальные задачи, располагалась в разбросанных на огромных расстояниях деревнях. Также важно, что призыв на военную службу принес с собой освобождение из крепостной зависимости или из-под юрисдикции государственных деревень или городских общин, и как только рекрут становился солдатом, его юридический статус менялся, как и статус его жены и его будущих детей. Более не приписанный к своему месту рождения, солдат до увольнения из армии подчинялся своему военному командованию. Таким образом, солдат не мог быть демобилизован или отправлен домой до тех пор, пока он не получал инвалидность или не завершал свой долгий срок службы (в то время он составлял 25 лет). Большая протяженность имперских границ и медленное сообщение не оставляли правителям другого выбора, кроме как держать под ружьем большое число людей. Географические ограничения также были причиной для сохранения относительно централизованной командной структуры русской армии ради обеспечения административной и финансовой жизнеспособности⁶. Проще говоря, для того чтобы понять военное и дипломатическое положение России после победы над Наполеоном, крайне важно учитывать физическую уязвимость страны и широкий спектр потребностей в сфере безопасности.

Российская империя поддерживала надежные военные структуры как для того, чтобы обеспечить безопасность протяженных сухопутных границ, так и для продолжения имперской экспансии на прилегающих территориях, которая продолжалась с XVI века⁷. До Петровских реформ врагами России были Швеция, Речь Посполитая, Крымское ханство и Османская империя. С момента окончания Смутного времени (1598–1613) – периода глубокого политического и общественного кризиса, бунтов, гражданской войны и иностранной интервенции – восстановленное Московское царство боролось за защиту своих границ от соседей-оппортунистов. По условиям Столбовского мира (1617) со Швецией Россия потеряла значительную часть

---

⁴ Согласно данным 1827 года, в мирное время полк в Тверской губернии, расположенной в центральной части России, мог промаршировать 100–110 верст (1 верста = 1,06 км) за 6–8 дней. См. [Wirtschafter 1990: 81].

⁵ Цит. по: [Wirtschafter 1990: 72].

⁶ О русской армии в мирное время см. [Wirtschafter 1990]. Общий анализ см. в [Кеер 1985].

⁷ Обсуждение военной истории России и построения империи приводится из моих процитированных ранее работ, см. также [Wirtschafter 2008].

территорий вдоль берега Ладожского озера и оказалась полностью отрезанной от Финского залива. Согласно Деулинскому перемирию (1618) Речи Посполитой отошла территория вдоль западной границы, включая стратегически важный город Смоленск. Неудивительно, что молодая династия русских монархов потратила большую часть XVII века на восстановление утраченных территорий. В 1656–1658 годах царь Алексей Михайлович (г. п. 1645–1676) вступил в борьбу со Швецией за контроль над балтийскими торговыми путями, а с 1620-х годов, когда православное население Украины начало искать защиты от католического господства, Московское царство вновь вступило в конфликт с Речью Посполитой. В 1654 году после восстания против поляков, которое началось в 1648 году⁸, запорожские казаки присягнули на верность русскому царю. В том же году Россия отвоевала Смоленск и начала Тринадцатилетнюю войну против Польши. В 1667 году Андрусовское перемирие подвело итог Русско-польской войне с переходом к Московскому царству Левобережной (Восточной) Украины, Киева и Смоленска [Fuller 1992: 1–21; Kotilaine 1998: 495–530].

Территориальные завоевания на Украине привели к появлению общей границы с Османской империей. Русско-турецкая война 1672–1681 годов уходит корнями в 1676 год, когда Польша по условиям Журавенского договора отдала Османской империи большую часть Правобережной (Западной) Украины. Эта война не принесла России никаких территориальных изменений, а Османская империя продолжила уделять больше внимания Юго-Восточной Европе, нежели оспаривать московские приращения на Украине. Со временем стала очевидна сохраняющаяся угроза со стороны крымских татар, вассалов Османской империи, совершавших набеги и разграблявших русские поселения в южном приграничье. Так как Крымское ханство вело свою историю от империи Чингисхана, татарские набеги не только несли разорение, но и напоминали о монгольском иге. Хотя Москва и пыталась дать отпор татарам во время Крымских походов 1687 и 1689 годов, но в результате этих попыток произошли лишь несколько прямых боестолкновений, но ничего не было сделано для укрепления безопасности России. Эти кампании лишь продемонстрировали ограниченную военную мощь Московского царства. Новшества XVII века в военных технологиях, тактике и боевых операциях не решили структурной проблемы ресурсаутономности, которая возникала на стыке логистики, транспорта, подготовки, пополнения и финансирования [Fuller 1992: 14–34]. Иными словами, военные силы Московского царства были не в состоянии обеспечить очевидные военные потребности. Военные реформы Петра I были нацелены именно на устранение проблемы автономности, ставшей очевидной в Крымских походах.

Царь Петр унаследовал давние угрозы безопасности на севере, западе и юге, однако его первые шаги продемонстрировали амбиции большие, чем защита границ и торговля с другими странами. С самого начала Петр I прибегал к имевшимся военным ресурсам для демонстрации русской мощи и достижения агрессивных стратегических целей. После неудачной кампании 1695 года в 1696 году петровские войска захватили турецкую крепость Азов, и царь приказал построить на Азовском море военно-морской флот. Таким образом Петр I рассчитывал бросить вызов османскому господству в Черном море – России не хватало доступа к незамерзающему порту – и остановить сообщение между Османской империей и Крымским ханством. Вместо этого армия Петра потерпела тяжелое поражение. В битве у реки Прут в Молдавии (9 июля 1711 года) русские войска уступили сильно превосходящим их по численности силам Османской империи и крымских татар. Петр I был вынужден сдать Азов, распустить южный флот и срыть крепости Каменный затон и Таганрог, а также Новобогородицкую и Кодацкую крепости. Россия вернула Азов в 1739 году, но лишь во время правления Екатерины II (г.

⁸ Восстание Богдана Хмельницкого (1648–1654) – широкомасштабное вооруженное восстание казаков Войска Запорожского против Речи Посполитой. – *Примеч. ред.*

п. 1762–1796) империя смогла достичь значимых побед над Османской империей [Fuller 1992: 37–44; Hughes 2000: 92–98, 174–176].

В Европе события развивались по другому сценарию, на что намекает будущая славная военная история. Великая Северная война против Швеции действительно стала полноценным воплощением амбиций Петра I и сигналом о том, что Россия зарождается как европейская держава. После того как в 1697 году Карл XII взойшел на трон в возрасте неполных 15 лет, правители соседних Дании, Речи Посполитой, Саксонии и России создали коалицию – Северный союз, чтобы уничтожить Шведскую империю на Балтийском море. Весной 1700 года Фридрих IV и курфюрст Саксонии Август II начали боевые действия, а 9 августа Петр I ответил объявлением войны. Всем хорошо известно, что Карл оказался самым грозным противником. Еще до вступления России в войну Швеция принудила Данию к подписанию мирного договора, угрожая Копенгагену с моря. Петр I начал военные действия с осады шведской крепости Нарва, и через несколько месяцев, 19 ноября, шведы разгромили русскую армию. Шведские войска численностью всего в 9000 человек разбили 40-тысячное русское войско. Карл быстро воспользовался победой и направился к Риге, которую осаждал Август II. В битве на Двине он одержал еще одну впечатляющую победу над русско-польско-саксонскими войсками. Этот триумф открыл ему дорогу для вторжения в Польшу.

Поражение в войне со Швецией резко ускорило осуществление реформ, которые позволили России в ходе XVIII века достичь статуса великой державы как в Европе, так и в Азии. Наряду со всеобщим воинским призывом и подушной податью внесение существенных изменений в организацию вооруженных сил России позволило эффективно использовать человеческие и материальные ресурсы. Эти изменения включали в себя установление воинской дисциплины, создание централизованного источника снабжения, производство вооружения и обмундирования, создание корпуса специально подготовленных офицеров, учреждение специальных технических школ, изучение стратегического планирования и тактики ведения боя, применение тактики, основанной на возведении укреплений, мобилизации войск и поддержке флота [Fuller 1992: 34, 38–84]. Хотя первая победа над Карлом и произошла в декабре 1700 года, еще до того как можно было увидеть плоды Петровских реформ, результаты его решений стали очевидны в течение следующих 20 лет. Пока Россия и Швеция обменивались победами и поражениями, Петр неустанно продолжал свою военную деятельность. Основного успеха царь добился в 1703 году, основав Санкт-Петербург, который стал новой столицей России и постоянным плацдармом России на Балтийском море. В следующем году в результате летней кампании Россия получила контроль над Дерптом (ныне Тарту), Нарвой, Шведской Ингрией и рекой Невой. Но какими бы впечатляющими ни были эти достижения, они моментально меркнут по сравнению с победами Швеции в Польше и Саксонии. В 1706 году Август отказался от трона, что позволило Карлу выступить против России в начале 1708 года. Однако вместо того, чтобы пойти на Москву, Карл направил свои войска на юг, на Украину. Там он объединил силы с казачьим гетманом Иваном Мазепой, бывшим союзником Петра I.

Решающая победа на Швецией – победа, которую до сих пор прославляют в русской культуре и истории, – произошла 27 июня 1709 года под Полтавой. Карл бежал в Османскую империю, но угрозы в адрес России не утихали. В 1710 году Османская империя объявила России войну, и битва на реке Прут (1711) закончилась для России внушительными территориальными потерями. Поражение также вынудило Петра I гарантировать Карлу безопасное возвращение в Швецию. Адрианопольский мирный договор 1713 года прекратил военные действия между Россией и Османской империей, и в ноябре 1714 года Карл XII достиг Швеции. К этому моменту Россия приросла территориями в Шведской Померании и Финляндии. Однако Карл упорствовал. В 1716 году он напал на датские владения в Норвегии, и лишь в 1718 году начались мирные переговоры – после того как Британия, Дания, Польша, Россия и Саксония решили объединиться против Швеции. Боевые действия продолжались вплоть

до начала переговоров, и даже после смерти Карла в конце года Россия продолжала оказывать военное давление, совершая опустошительные рейды на территории Швеции. Наконец, 30 августа (10 сентября) 1721 года Россия и Швеция подписали Ништадтский мирный договор. Россия присоединила Лифляндию, Эстляндию, Ингерманландию, часть Карелии и острова Эзель и Даго в Балтийском море. Финляндия, за исключением Выборга, была возвращена Швеции, которая также получила контрибуции от России. В широком смысле Россия потеснила Швецию с пьедестала главной балтийской державы, заняв позицию, которая позже позволит ей стать великой европейской державой. Ключевое изменение в период с 1700 по 1721 год – появилась способность вести масштабные военные действия на протяжении долгого времени, т. е. была решена, в достаточной степени, проблема ресурсоавтономности.

Хотя ранние шаги России на пути к статусу великой державы происходили из необходимости защищать свои границы от опасных врагов, в том числе от степных сообществ с юга и юго-востока, быстро стало понятно, что мощь царской армии будет использована и для поддержки имперской экспансии. Начало Великой Северной войны продемонстрировало агрессивные намерения Петра I, и в результате Персидского похода 1722 года Россия получила территории вдоль юго-западного и южного побережья Каспийского моря. Договоры 1723 и 1735 годов вернули эти территории Персии. Но затем в 1783, 1787 и 1800 годах Россия частично оккупировала, покинула, а затем формально аннексировала Грузию. Продвижение России в Закавказье, Крыму и Украине, пусть медленное и неравномерное, стало причиной для затяжного конфликта с Османской империей. Это привело к войнам 1695, 1696, 1711, 1735–1739, 1768–1774 и 1787–1791 годов. Первые успехи России с Азовом оказались иллюзорными, однако в войне 1735–1739 годов Россия вернула порт, быстро заняла часть Крымского полуострова и также получила доступ к Черному морю при условии предоставления прохода турецким торговым судам. Вкратце постоянные войны (и дипломатические связи) между Россией и Османской империей можно описать как попеременное ведение наступательных и оборонительных военных действий, определявших имперскую экспансию.

Позднее в XVIII веке победы Екатерины II над Османской империей обеспечат приращение территориями, значительно превосходящее победы ее предшественников. В Русско-турецкой войне 1768–1774 годов екатерининская армия выбьет турок с северного побережья Черного моря и установит протекторат над Крымским ханством. В 1777 году правящим ханом стал ставленник Екатерины, а в 1783 году после бунта татарских вельмож Россия аннексировала полуостров. С тех пор ханство перешло под управление русского губернатора. Среди других южных земель, вошедших в состав империи во время правительства Екатерины, были территории запорожских казаков, кубанские степи, полуостров Тамань и Кабарда на Кавказе. Особенно важно, что Россия смогла получить право свободного судоходства в Черном море и через проливы Босфор и Дарданеллы. Россия также пресекла попытки Швеции вернуть себе контроль над Балтийским регионом (война 1788–1790 годов) и прекратила независимое существование Речи Посполитой (разделы 1772, 1793 и 1795 годов). В результате разделов, от которых выиграли также Австрия и Пруссия, Россия контролировала большую полосу земель, простирающуюся от Балтийского до Черного моря [Wirtschaftler 2008: 108–109].

Еще одна точка роста для империи, как в защите, так и в нападении, заключалась в прозрачности границ, отделявших оседлые общины от степных кочевников. Степные народы населяли часть современной Молдавии, Украины, России и Казахстана⁹. В имперский период географическая граница со степями проходила от Дуная на западе до озера Балхаш на востоке и от лесной зоны Европейской части России на севере до Черного и Каспийского морей на юге. Борьба России за обеспечение безопасности от степи и ее подчинение началась в XVI веке с завоевания Казанского (1552), Астраханского (1556) и Сибирского (1598) ханств. Включе-

⁹ Об отношениях со степными народами см. [Каппелер 2000; Ходарковский 2019; Sunderland 2004].

ние этих наследников Золотой Орды в состав империи привело к столкновению с ногайскими татарами на Северном Кавказе, башкирами в районе южных Уральских гор, а с 1630-х годов – с калмыками в Каспийской степи. Длительные кровопролития принимали форму опустошительных набегов, вооруженных восстаний и жестоких подавлений. В конечном итоге татары, степные народы и народы Поволжья подчинились власти России. Народы Кавказа подчинились, и то не полностью, в первой половине XIX века. Казахи, продолжавшие доминировать в степях на протяжении XVIII века, не были полностью интегрированы в Российскую империю вплоть до 1860-х годов.

Сложные отношения России с Кавказом и степными народами лежали в основе строительства империи, но не оказывали серьезного влияния на дипломатию в Европе. Исключения возникали лишь в регионах, граничащих со степью, таких как Крым и Грузия, где оспаривание интересов Османской империи или Персии могло иметь последствия для европейской системы, особенно в контексте империализма XIX века. Но в большинстве случаев продвижение России в глубь степи оставалось внутренним процессом, во многом так же, как экспансия Соединенных Штатов на запад. По этой причине российскую политику в степи и на Кавказе можно было охарактеризовать как органический процесс колонизации, движимый геополитическими императивами, такими как потребность в защите нестабильной границы. Однако экспансия, очевидно, была также нацелена и на подчинение себе человеческих и материальных ресурсов и установление суверенитета над другими народами. Поэтому историк Дж. Ледонн описывает Россию как евразийское государство, стремящееся к гегемонии на территории от Эльбы до Восточной Сибири [LeDonne 2004: 9–11; Sunderland 2004: 3–5]. Хотя Ледонн в своем анализе может и завышать когерентность и преднамеренность русского империализма, он признает, что государственные руководители и интеллектуалы рассматривали территориальную экспансию как распространение цивилизации среди варварских земель и народов. В отношении степи, Кавказа, а позже и Центральной Азии русские элиты однозначно проявляли колониальное мышление [Wirtschafter 2008: 109–113].

Появление России на мировой арене и империалистические достижения были отмечены евразийскими амбициями. Однако в период Французской революции и Наполеоновских войн, а затем и в период Реставрации львиная доля военных и дипломатических ресурсов была задействована на европейском театре военных действий. На протяжении десятилетий после смерти Петра I невозможно было отделить политическую нестабильность и борьбу вокруг престолонаследования от дипломатических отношений с Европой. Волнения временно успокоились, когда в 1741 году дочь Петра Елизавета стала императрицей, это произошло примерно год спустя после того, как король Пруссии Фридрих II оккупировал австрийскую Силезию (декабрь 1740 года). На протяжении большей части правления Елизаветы (г. п. 1741–1761) Россия сохраняла хорошие отношения и с Австрией, и с Британией, в то время как в отношениях с Пруссией нарастала напряженность. Как отмечают историки, переход Пруссии в статус великой державы уничтожил равновесие Вестфальской системы международных отношений и привел к пересмотру баланса сил в Европе. Пруссия вышла из альянса с Францией, чтобы заключить союз с Британией, в то время как Австрия вышла из альянса с Британией ради союза с Францией [LeDonne 2004: 89]. В конечном итоге изменение баланса сил привело к Семилетней войне (1756–1763), в которой Австрия, Франция и Россия выступили против Пруссии, чей союзник Британия предоставлял субсидии Фридриху и получал защиту Ганновера. На протяжении всего конфликта России удавалось сохранять крайне важные торговые отношения с Британией, активно выступая против Пруссии. Взамен на данное Елизаветой обязательство поддержать Австрию в возвращении Силезии Россия получила субсидии и обещание новых территорий в Восточной Пруссии. Российское правительство рассчитывало воспользоваться этими территориями для корректировки границ с Польшей, что должно было усилить безопасность коридора между Балтийским и Черным морями. Елизавета достигла своих воен-

ных целей в 1758 году и продолжала соблюдать обязательства перед Австрией, отправляя войска для участия в кампаниях 1759, 1760 и 1761 годов [Wirtschaftler 2008: 129–130].

После смерти Елизаветы в декабре 1761 года на трон взошел ее племянник Петр III (г. п. 1761–1762), известный симпатизант Пруссии¹⁰. Несмотря на то что Петр правил всего несколько месяцев, прежде чем в результате дворцового переворота к власти пришла его жена Екатерина, он запустил новый пересмотр баланса сил в Европе. Петр вышел из войны с Пруссией, что нарушало договорные обязательства перед Австрией, и обеспечил тем самым победу Фридриха II. Этот выход мог бы пойти на пользу России; имперская казна почти иссякла, и война стала причиной раскола внутри правящей элиты. Петр, урожденный герцог Гольштейн-Готторпский, оставался при этом германским правителем. В мае 1762 года он приказал военному командованию готовить войска к летней войне против Дании с целью вернуть Шлезвиг в его родной Гольштейн. Хотя Фридрих обещал выслать на помощь Петру 15 000 прусских солдат, его клятва не убедила российские элиты поддержать запланированную кампанию. По этой и по другим причинам 28 июня Петр лишился трона, а 5 июля и жизни. Военное руководство России, бюрократия высшего уровня и расположенные в Санкт-Петербурге гвардейские полки – все поддержали восшествие Екатерины на престол, первоначально в качестве регента при ее сыне Павле. После смерти Екатерины Павел был у власти с 1796 по 1801 год, чего было как раз достаточно, чтобы прекратить политическую нестабильность XVIII века, установив четкий порядок престолонаследования. По иронии судьбы обещания стабильности не спасли его от смерти в результате кровавого переворота, который произошел с молчаливого согласия его сына и наследника Александра I, широко известного как царь – победитель Наполеона и царь – дипломат, который стал ключевым архитектором Венских соглашений [Wirtschaftler 2008: 130–132, 200–203].

Десятилетия войн против революционной и наполеоновской Франции, которые закончились Венским конгрессом, критически важны для историков эпохи европейской дипломатии и Реставрации. Участие России в этих войнах началось со вступления императора Павла во Вторую коалицию (1798–1802), состоявшую из Австрии, Британии, Неаполитанского королевства, Османской империи и Португалии¹¹. Спустя месяц переговоров, которые привели к созданию этой коалиции, Россия отправила военно-морскую эскадру для поддержки британских операций вдоль берегов Голландии (июль 1798 года) и помогла Османской империи в оккупации Ионических островов (сентябрь – ноябрь 1798 года)¹². В феврале 1799 года русские войска захватили крепость Корфу, и генерал-фельдмаршал А. В. Суворов (1729–1800) был назначен командующим объединенных русско-австрийских войск. Весной и летом 1799 года Суворов добился значительных побед в Северной Италии, однако вместо того чтобы воспользоваться моментом и двинуться на Париж, ему было приказано вышестоящим командованием отправиться через Альпы в Швейцарию. Там Суворов должен был объединиться с генералом А. М. Римским-Корсаковым (1753–1840), чья армия продвигалась от долины Рейна. В конце сентября, прежде чем русские армии смогли объединиться, русский корпус Римского-Корсакова и австрийский корпус генерала Ф. Хотце потерпели поражение под Цюрихом. Столкнувшись с французской армией, не имея информации о ее силе, коалиция начала распадаться. Суворову удалось спасти своих солдат из катастрофической ситуации в Швейцарии, а в январе 1800 года император Павел приказал всем войскам вернуться в Россию. Австрийские войска потерпели поражение от французов в битве при Маренго (июнь 1800 года) и затем снова

---

¹⁰ При описании внутренней политической ситуации в России используется летоисчисление по старому стилю (СС).

¹¹ При описании войн против революционной и наполеоновской Франции используется летоисчисление по новому стилю (НС). Представленный здесь обзор войн основан на [Fuller 1992: 177–218; Хартли 1998; Schroeder 1994: 177–582; Lieven 2009; Айрапетов 2017].

¹² Французы захватили Ионические острова в 1777 году. Англо-русская экспедиция по отнятию у французов завоеванной ими Голландии в октябре 1799 года потерпела неудачу.

в битве при Гогенлиндене (декабрь 1800 года). После разгрома при Гогенлиндене Австрия прекратила военные действия.

Война Второй коалиции запустила один из наиболее драматичных периодов в военной истории Европы. В ноябре 1799 года французский генерал Наполеон Бонапарт стал первым консулом и главой военной диктатуры, известной как консульство. На протяжении следующих 15 лет, вплоть до окончательного поражения Наполеона при Ватерлоо в июне 1815 года, европейские монархии находились под угрозой военного завоевания и революций. Попытки Франции доминировать над Европой привели к многолетним ожесточенным войнам, эпизодическим перемириям и неустойчивым союзам. Хотя Британия и Россия продолжали серьезно препятствовать расширению Франции, оппонентам Наполеона в целом не удавалось объединиться для совместных действий. Временами получалось добиться определенного уровня единства, когда возникала необходимость защиты экономических интересов, свободы судоходства или устойчивости трона. Но в большинстве случаев союзы рассыпались перед лицом военных успехов Франции. Раз за разом враги Наполеона оставляли своих союзников, надеясь избежать потерь территорий или заключая иллюзорные соглашения с Францией. Таким образом, как только Франция заключила сепаратные соглашения с некогда союзными государствами, Вторая коалиция испарилась в течение нескольких лет: сближение с Россией (1800–1801), Люневильский мир с Австрией (февраль 1801 года) и Амьенский мир с Великобританией (март 1802 года). Благодаря этим соглашениям поверженные государства смогли восстановить потерянные территории и даже получить новые. Впервые за десять лет казалось, что Европа обрела хоть толику мира.

Однако эта передышка длилась недолго, так как Франция продолжала оспаривать морское господство Британии. К маю 1803 года две державы вновь вступили в войну, и через два года, в марте 1805 года, Наполеон начал планировать вторжение в Англию. Эта агрессия привела к созданию в апреле Третьей коалиции, к которой присоединились Австрия, Британия и Россия. Развертывание войск началось в конце августа, а 21 октября 1805 года произошла монументальная морская победа адмирала Горацио Нельсона у мыса Трафальгар. Британия предотвратила вторжение и сохранила превосходство на море, в то время как Австрия и Россия потерпели унижительные поражения, что открыло путь для французского доминирования над германскими государствами и Польшей. В сентябре Великая армия Наполеона начала свой марш на восток от города Булонь, а Австрия вторглась в Баварию. Русская армия также начала движение на запад, чтобы объединиться с Австрией. Прежде чем две армии смогли соединиться, 20 октября Франция одержала победу над Австрией под Ульмом в Баварии, открывая себе возможность для вторжения в Австрию. Хотя русским войскам удалось в сражениях при Кремсе (11 ноября) и Холлабрунне¹³ (15–16 ноября) замедлить продвижение французов, взятие Вены они предотвратить не смогли. Поражения союзников от рук Наполеона продолжались, и 2 декабря 1805 года произошел окончательный разгром сил России и Австрии в битве под Аустерлицем в Моравии. Россия вновь покинула своих союзников и вернулась в Польшу. Австрия объявила безоговорочную капитуляцию и 26 декабря заключила Пресбургский мир. Пруссия подписала договор о союзе с Францией еще 15 декабря. Примерно шесть месяцев спустя, в июле 1806 года, 15 германских государств присоединились к Рейнскому союзу, заключенному под давлением Франции, и в течение следующего года Наполеон укрепил свое господство над Западной и Центральной Европой.

По итогам Аустерлица европейские монархии отчетливо осознали реальность намерений Наполеона. Однако это не означало, что они были готовы или могли объединиться и дать отпор. Четвертая антифранцузская коалиция начинала формироваться в то же время, когда Наполеон создал Рейнский союз. В июле 1806 года Пруссия и Россия договорились сотрудничать

¹³ Также известно как Шёнграбенский бой. – *Примеч. ред.*

в борьбе с дальнейшей агрессией. Эта коалиция сформировалась в октябре при участии Британии, Пруссии, России и Швеции. В ответ на продолжавшуюся французскую оккупацию немецких земель 9 октября король Пруссии Фридрих-Вильгельм III объявил войну. Но прежде чем Александр I смог хоть как-то помочь своему союзнику, 14 октября Франция одержала победу над Пруссией одновременно при Йене и Ауэрштедте. Фридрих-Вильгельм бежал на Восток, а французские войска оккупировали Берлин. В конце 1806 года русские войска начали вступать в эпизодические столкновения с французами в Польше. Затем в феврале 1807 года между русской и французской армиями произошла неоднозначная битва при Прейсиш-Эйлау. Всего несколько месяцев спустя, 14 июня, объединенные русско-пруссские войска были разгромлены французами в сражении под Фридландом. Александр I и Фридрих-Вильгельм III подписали с Наполеоном Тильзитские договоры.

На основании Тильзитского мира (25 июня 1807 года) и последовавшего Эрфуртского конгресса (сентябрь – октябрь 1808 года) Россия признала контроль Франции над Западной и Центральной Европой, представленной Рейнским союзом и Великим Герцогством Варшавским [Scharf 2019: 223]¹⁴. Варшавское Герцогство состояло из польских провинций Пруссии, за исключением района Белосток, который отошел России. В дополнение Александр I согласился разорвать отношения с Британией и закрыть для нее балтийские порты империи, если Британия не примет требования Франции уважать свободу морей и торговли между нейтральными государствами. Россия также согласилась на требование, что Британия возвращает Голландии, Франции и Испании захваченные с 1805 года колонии. Кроме прямых действий против Британии императоры Франции и России обязались содействовать блокаде портов Дании, Португалии и Швеции и призывать эти государства объявить войну Британии. В итоге Александр согласился передать Франции Ионические острова и вывести русский флот из Адриатического моря.

Александр пошел на значительные уступки Наполеону, но казалось, что российский монарх также смог получить от своего потенциального союзника то, что ему было нужно. Французский император согласился стать посредником в Русско-турецкой войне, которая разразилась в 1806 году. В случае провала переговоров Наполеон обещал поддержать Александра в войне против Османской империи. По этому сценарию Россия должна была освободить крепости на восточном побережье Средиземного моря, занятые между 1798 и 1806 годами, в то время как Франция согласилась на контроль России над османскими провинциями в Молдавии и Валахии. Однако если Россия и Порта смогли бы достичь соглашения, Россия должна была бы в будущем (без указания определенного срока) вывести войска из Дунайских княжеств. И в заключение оба императора дали обязательства, что в случае войны в Европе Франция и Россия выступят как союзники.

Несмотря на открытую демонстрацию дружбы в Тильзите и Эрфурте, годы мира с 1807-го по 1812-й оказались для обеих империй беспокойной передышкой. «Вероятность новой войны между Россией и Францией возникла почти вместе с Тильзитским миром». Это было мнение русского государственного деятеля М. М. Сперанского (1772–1839) в 1812 году, который добавлял, что «самый мир заключал в себе почти все элементы войны. Ни России с точностью его сохранить, ни Франции верить его сохранению не возможно» [Сперанский 1900]. Надежды Наполеона, что он сможет воспользоваться союзом с Россией, чтобы подорвать экономическую мощь Британии, сошли на нет. Россия сохраняла устойчивые торговые отношения с Британией с XVI века. Хотя Александр в Тильзите неявно согласился присоединиться к Континентальной блокаде, установленной в 1806 году, чтобы задушить британскую экономику, в целом он отказался накладывать ограничения на торговлю. В ноябре 1807 года Россия разорвала дипломатические отношения с Великобританией, но и за этим не последовало ника-

¹⁴ О недавней оценке Тильзитского мира со стороны России см. [Scharf 2019: 209–223].

ких военных действий. Как показал отказ от действий, Тильзитский мир предоставил обеим сторонам восхитительную возможность уклониться от неприятных обязательств или вывести из договора собственные требования [Scharf 2019: 222].

С течением времени уклонение от данных обязательств уступило место открытым актам агрессии. В 1809 году Наполеон бросил вызов интересам России, включив западную Галицию, польские территории, отнятые у Австрии, в состав Великого Герцогства Варшавского. Еще никогда польский вопрос, из-за которого во время Венского конгресса миротворцы находились на волоске от новой войны друг с другом, не стоял для России так остро. Очевидно, что Александр I, чья бабушка Екатерина II инициировала раздел Польши, не хотел видеть на западной границе своей империи сильное, независимое или подконтрольное Франции Польское государство¹⁵. В июле 1810 года последовали следующие враждебные шаги со стороны Франции, когда Наполеон аннексировал Голландское королевство. Затем он оккупировал ганзейские города Гамбург, Бремен и Любек, так же как и Лауэнбург, и территорию от Липпе (Нижний Рейн) до реки Штекениц, и герцогство Ольденбургское. Сестра Александра I Екатерина была замужем за наследником герцога Ольденбурга, и Тильзитский мир эксплицитно гарантировал безопасность герцогства.

В тот же период, когда Наполеон демонстрировал агрессивное поведение, Александр I также нарушал дух и букву Тильзитского мирного договора. Император России отказался от принятия Трианонского тарифа в августе 1810 года, который должен был облагать крупными пошлинами продукты из британских колоний, ввозимые на нейтральных кораблях. Кроме того, он отказался закрывать русские порты для нейтральных кораблей, которые нередко везли на борту британские товары. В заключение в декабре 1810 года Александр I открыто отказался следовать предписаниям Континентальной блокады и даже обложил пошлиной товары, ввозимые в Россию по суше, большая часть из которых имела французское происхождение. Неспособность Наполеона парализовать Британию означала, что нежелание Александра действовать экономическим путем имело военные последствия. Но нарушение соглашений на этом не закончилось: Наполеон попросил у Александра I руки его сестры княжны Анны Павловны, но вместо того, чтобы согласиться, император России попросил отсрочки из-за юного возраста девушки. Униженный Александром, Наполеон решил жениться на австрийской принцессе Марии-Луизе. Переговоры о браке, как и реализация торговой политики, продемонстрировали двуличную природу русско-французского союза. Обе стороны отступали и от духа, и от конкретных положений договора. Начиная с 1811 года и в начале 1812 года чиновники России и Франции открыто заявляли о возможных столкновениях. Азартные игры подошли к концу, когда обе страны подготовились к войне.

Война в России началась 24 июня 1812 года, когда Великая армия Наполеона, «одна из крупнейших армий, которые видел свет», пересекла реку Неман. Силы французов насчитывали 368 000 человек пехоты, 80 000 человек кавалерии и более 1000 единиц артиллерии [Fuller 1992: 186–190]. С самого начала русское командование придерживалось тактики глубокого отступления, уклоняясь от генерального сражения, чтобы сохранить боеспособность своих сил¹⁶. В середине августа, когда французы достигли Смоленска, русские войска два дня держали оборону, прежде чем поджечь город и оставить его врагу. Стратегическое терпение и тактика отступления русских войск на протяжении всей войны 1812 года демонстрировали

---

¹⁵ Раздел Польши часто описывают как главное достижение внешней политики Екатерины II, однако историки прошлого и настоящего ставят вопрос о значимости этого успеха императрицы. В своих поздних работах И. де Мадариага утверждает, что завоевания Екатерины II не только поставили под угрозу безопасность России на западе, но также создали необходимость «взвешивать возможные последствия для хрупкого равновесия сил между тремя державами-участницами раздела» (Австрии, Пруссии и России) [де Мадариага 2002: 718]. В целом А. Б. Каменский приходит к заключению, что ни одна из изначальных целей внешней политики Екатерины, собственноручно ей поставленных, не была достигнута. См. [Kamenskii 2019: 169–187].

¹⁶ Подробный анализ см. в [Lieven 2009].

свою эффективность против военных и логистических ресурсов наполеоновской армии. Французские войска имели при себе запасов всего на 24 дня, нуждались в убежище и провизии. Наполеон не подготовился к долгосрочной кампании, надеясь вместо этого нанести смертельный удар, который принудил бы Александра к быстрой капитуляции. После того как русские войска отступили от Смоленска, Наполеон выдвинулся в сторону Москвы. В ответ русское командование навязало жестокую войну на истощение.

Рядом с селом Бородино, расположенным в 120 км на запад от Москвы, 5–7 сентября 1812 года русская и французская армии встретились в прямом бою. Французские войска численностью 135 000 человек сошлись с русскими войсками численностью в 125 000 человек в одной из самых ожесточенных битв за всю наполеоновскую эпоху. Число погибших и раненых с обеих сторон было ужасающим: 58 000 со стороны России и 50 000 со стороны Франции [Fuller 1992: 190; Хартли 1998]¹⁷. Военные историки считают, что Бородинская битва закончилась ничьей, хотя формально Россия и уступила победу Наполеону, вновь уходя от прямого столкновения. Так открывалась дорога на Москву, и 14 сентября армия Наполеона захватила древнюю столицу России, место коронации Романовых с момента основания династии в 1613 году. Повторяя тактику глубокого отступления, правительство Москвы эвакуировало большую часть трехсоттысячного населения города. Вместо оживленной второй столицы Российской империи Великая армия Наполеона вошла в город-призрак.

Для французских войск условия в Москве быстро ухудшались. Почти сразу же начались пожары, уничтожавшие как богатые и скромные дома, в которых могла бы расположиться наполеоновская армия, так и склады зерна и амуниции, которые могли бы удовлетворить ее потребности. На самом же деле огонь уничтожил от половины до двух третей города, прежде чем пожары удалось взять под контроль. В середине октября, спустя месяц после того, как армия Наполеона вошла в Москву, ситуация со снабжением стала катастрофической, и французская армия начала отступление. Однако Россия еще не выиграла войну. Две армии вновь сошлись в сражении 24–25 октября под Малоярославцем. Наполеон попытался уничтожить основные русские войска под командованием генерал-фельдмаршала М. И. Кутузова (1747–1813), но это ему не удалось. И вновь с военной точки зрения исход битвы остался неопределенным, обе стороны потеряли порядка 7000 человек [Lieven 2009: 257–258]. После битвы под Малоярославцем отступление французов стало катастрофическим, несмотря на равные потери в бою.

Последнее крупное сражение между противоборствующими армиями произошло под Вязьмой 3 ноября, и впервые потери французов значительно превосходили потери русских. Но даже в этих условиях русское командование не стремилось уничтожить войска Наполеона и вновь уклонилось от дальнейших военных действий. Как об этом пишет Д. Ливен, Кутузов «предпочел оставить эту задачу зиме». Несмотря на то что погода была мягче чем обычно, «в ноябре в России холодно, особенно для истощенных солдат, спавших под открытым небом, не имея даже палаток, в крайне неподходящей одежде и с малыми запасами еды» [Lieven 2009: 264–265]. Повышение температуры создало дополнительную проблему таяния льда на реке Березине. Пока французы отступали, русские войска и партизаны продолжали атаковать солдат Наполеона на обоих берегах реки. Когда в декабре пришли необычно сильные холода, французская армия уже было разбита. Из 100 000 человек, покинувших Москву, до Смоленска дошло 60 000, и только 40 000 покинули Российскую империю [Fuller 1992: 191–193].

До сих пор решение оставить Москву Наполеону остается спорным. Взятие и разрушение города стали ударом для русского народа. Оставление Москвы запечатлелось в общественном сознании многих поколений благодаря изображению в романе «Война и мир» Л. Н. Толстого. Но Россия оправилась от этой потери, добилась победы, и на протяжении всей войны Александр I сохранял свою достойную решимость. Раз за разом он отклонял предложения

¹⁷ Дж. Хартли приводит похожие данные о потерях: 50 000 русских и 40 000 французов.

о мире, выдвигаемые Наполеоном. Укрепленный православной духовностью, он смог пережить ужасные события 1812 года. Александр искал утешение в ежедневных чтениях Библии, в занятии, которое ни в коем случае нельзя трактовать как бегство в религиозный мистицизм. Напротив, религиозный опыт монарха помогает объяснить его способность вести войну за границами России, его последовательную приверженность миру и прагматичную гибкость его внешней политики. Император Александр и его подданные находили силу в своей христианской вере и в осознании своей провиденческой роли в истории человечества. Как Александр писал своему другу обер-прокурору Святейшего синода князю А. Н. Голицыну (1773–1844), «именно в такие моменты я верю, что даже самый ожесточенный человек чувствует возвращение к своему Создателю. Я отдаюсь этому столь привычному для меня чувству и делаю это с еще большими чем прежде теплотой и упоением! Я нахожу в нем свое единственное утешение, свою единственную опору. Только это чувство поддерживает меня» [Lieven 2009: 240]. После оставления Наполеоном России и практически до конца правления Александра потрясение от этого вторжения испытывало и одновременно подкрепляло его решимость.

Пройдет больше года после бегства Наполеона из России, прежде чем союзники одержат окончательную победу над Наполеоном и лишат его власти. Весной и летом 1813 года Австрия, Британия, Пруссия, Россия и Швеция создали Шестую антифранцузскую коалицию. Военные действия начались в августе, а в середине октября в ходе «Битвы народов» под Лейпцигом¹⁸ армия Наполеона была вынуждена отступить за Рейн. На протяжении следующих нескольких месяцев Франция потерпела серию поражений. Рейнский союз распался, голландские провинции взбунтовались, а Австрия добилась военных успехов на севере Италии. Продолжались бои в Испании, где с лета 1808 года продолжалось сопротивление власти Наполеона, поддерживаемое британскими войсками, и потери французов продолжали расти. В начале 1814 года союзные силы наконец пересекли Рейн, и 31 марта Александр I и Фридрих-Вильгельм III вошли в Париж. В апреле Наполеон отрекся от престола и отправился в ссылку на остров Эльба. Династия Бурбонов вернулась к власти, когда Людовик XVIII, брат казненного на гильотине Людовика XVI, вззошел на трон при конституционной монархии. Миротворческий процесс начался незамедлительно в Париже и продолжился позже в том же году в Вене, а прервался лишь возвращением Наполеона к власти в марте 1815 года. К счастью для дела мира, «Сто дней»¹⁹ прошли быстро. В июне объединенные силы Бельгии, Британии, Голландии и Германии под командованием герцога Веллингтона, который успешно руководил военными операциями в Испании, разгромили Наполеона в битве при Ватерлоо. 22 июня 1815 года Наполеон во второй раз отрекся от власти, и 15 июля его отправили в ссылку на далекий остров Святой Елены. Там он и скончался 5 мая 1821 года, в то время как миротворческие процессы посленаполеоновской эпохи все еще требовали постоянного внимания его противников.

Российская монархия, которая помогла в установлении мира в Европе, вышла из Наполеоновских войн окрепшей, а не ослабленной. Александр I, воспитанный при дворе Екатерины в духе Просвещения, продолжил политику политических реформ и развития культуры, проводимую его предшественниками [Андреев, Тозато-Риго 2014–2017]. Внутри России это означало улучшение административной и судебной систем, рассмотрение проектов конституции, учреждение государственных школ, повышение требований к образованию для продвижения по военной и гражданской службе и щедрую поддержку литературы, искусства и науки. Пра-

¹⁸ Так прусский фельдмаршал барон К. фон Мюффлинг назвал это самое крупное сражение Наполеоновских войн, состоявшееся 16–19 октября 1813 года. В своем донесении он, в частности, написал: «Так четырехдневная битва народов под Лейпцигом решила судьбу мира». – *Примеч. ред.*

¹⁹ Само выражение получило распространение после приветственного обращения, с которым префект департамента Сены граф де Шаброль обратился к вернувшемуся из Гента Людовику XVIII: «Сто дней миновало, как Ваше Величество было вынуждено покинуть свою столицу посреди слез и стенаний Ваших подданных». – *Примеч. ред.*

вительство Александра также провело скромные реформы в отношении послабления крепостного права, а в балтийских провинциях Курляндии, Эстонии и Латвии осуществило освобождение без гарантированного доступа к земле. Несмотря на появление зачатков заботы о правах человека, ни одна из этих мер не отражала серьезное намерение отменить крепостное право, которое оставалось фундаментом военной системы России. Политические реформы также не накладывали формальных ограничений на абсолютную власть монарха и даже не создавали совещательных институтов с представителями дворянства и образованных гражданских служащих. Одним словом, власть русской монархии, получившая легитимность от Русской православной церкви и защиту от крестьянской армии, оставалась неоспоримой.

Инакомыслие интеллектуалов начало проявляться в конце XVIII века, а к моменту смерти Александра I в декабре 1825 года переросло в открытые восстания. Однако эти события не помешали монархии, Церкви и просвещенным элитам объединиться вокруг идеи того, что условия жизни людей можно улучшить с помощью законных реформ, прогресса в образовании и христианской морали. Государственные служащие, помогавшие Александру I в миротворческой работе с 1815 по 1823 год, очевидно, разделяли это видение. Большая часть царских дипломатов происходила из образованного дворянского сословия России, Украины и прибалтийских немцев, преобладающих среди гражданских служащих. В конце XVIII и начале XIX века на службу России встала вторая когорта дипломатов из европейских стран, в том числе из Польши. В итоге дипломатический корпус состоял из сыновей иностранцев, долгое время служивших Российской империи. Высокопоставленных дипломатов как группу при Александре I характеризовало, что они, родившиеся преимущественно в 1760-х и 1770-х годах, были людьми, которые выросли в многоязычной, многоконфессиональной и многонациональной атмосфере и легко вращались в высших правительственных и общественных кругах в космополитических столицах Европы и при европейских дворах²⁰.

Министры иностранных дел при Александре I воплощали собой светские качества дипломатической элиты. Граф К. В. Нессельроде, министр иностранных дел при Александре I и Николае I (г. п. 1825–1855), родился в Лиссабоне, где его отец был русским посланником. Нессельроде был крещен в англиканской церкви и окончил гимназию в Берлине. Его отец-католик происходил из древнего рода немецких графов, а мать-лютеранка была из семьи богатых купцов. Вторым министром иностранных дел одновременно с Нессельроде был граф И. А. Каподистрия, который происходил из греческой аристократической семьи с острова Корфу, получил образование в Падуанском университете, состоял в правительстве Ионических островов (Республики Семи Соединенных Островов) под протекторатом России. После того как по условиям Тильзитского мира Ионические острова перешли под протекторат Франции, Каподистрия поступил на российскую службу. В период Реставрации в Европе Нессельроде и Каподистрия играли ключевую роль в формировании российской внешней политики, однако остальные дипломаты имели похожее социальное происхождение и похожую культурную ориентацию. Д. М. Алопеус, сын финского дворянина, получил образование в Берлине и Штутгарте. И. О. Анстет был принят из французской на русскую службу в 1789 году. Князь А. Е. Чарторыйский происходил из семьи польских магнатов, но закончил свою жизнь в ссылке в Париже. А. Я. Италинский происходил из мелкопоместных украинских дворян, окончил Киевскую духовную академию и изучал медицину в Санкт-Петербурге, Эдинбурге и Лондоне. Князь Х. А. Ливен принадлежал к известной дворянской семье балтийских немцев, служивших русской короне на многочисленных военных и гражданских должностях. П. И. Полетика, еще один украинский дворянин, родился в Киевской губернии от матери-турчанки, захваченной при осаде Очакова. К. О. Поццо ди Борго был представителем Корсики во французском Учредительном собрании в 1789–1791 годах. Будучи роялистом, он эмигрировал в 1796 году, посту-

²⁰ См. приложение.

пил на русскую службу в 1805 году и стал послом Александра I в Париже в 1814 году. Неудивительно, что среди дипломатических агентов Александра служили и представители знатных дворянских родов России: князя Д. И. Долгоруков и А. К. Разумовский, бароны Г. А. Строганов и Д. П. Татищев.

И это лишь некоторые из служивших императору Александру I профессиональных дипломатов. Разные по национальному происхождению и вероисповеданию, образованию и карьере, все они говорили по-французски и разделяли верность монарху, которому служили, олицетворявшему могущество и величие России. В качестве «пехотинцев» внешней политики Александра они на деле показали, что могут отстаивать различные точки зрения монарха и брать инициативу в сложных дипломатических переговорах. И пока все они находились на службе России, они добросовестно выполняли свою работу для исполнения волеизъявления и реализации политики Александра I. Будучи творцом внешней политики России и главным миротворцем Европы, Александр ожидал от своих дипломатических агентов, чтобы они сообща и в унисон доносили его волю в отношениях с другими державами. В период с 1815 по 1823 год дипломаты занимались именно этим, безустанно трудясь бок о бок со своим государем для создания и поддержания мира в Европе.

Глава 1

Умиротворение и мир (1815–1817)

История умиротворения и мира после победы над Наполеоном в 1814–1815 годы представляет уникальную возможность увидеть, как европейские дипломаты, получившие воспитание и образование в духе реформизма конца XVIII века, отвечали на изменившиеся исторические условия, требовавшие творческого мышления, и на переоценку социальных и политических ожиданий. Усилия европейских посленаполеоновских миротворцев увенчались успехом в некоторых аспектах и провалились в других. Их политика могла быть как прогрессивной и дальновидной, так и зашоренной и эгоистической. Они вышли из мира, разделенного великими державами, стремящимися к богатствам и созданию империй, – из мира, наполненного насилием, предубеждениями, жестокостью и эксплуатацией, – но они также направляли общество, частью которого они были, к постепенному принятию либерально-демократических изменений. Главный результат их труда заключался в том, что общество Европы, истерзанной двумя десятилетиями сражений и изнурительной дипломатии, стало чуть более цивилизованным и получило чуть больше плюрализма.

Внимание поколений исследователей было приковано к этому смещению старых и новых порядков, которое представляло из себя установление мира, завершившее эпоху Французской революции и Наполеоновских войн²¹. Создавая работы на нескольких европейских языках, историки провели исследования высокого уровня, отражающие самые разнообразные аспекты – национальные, международные, политические, дипломатические, военные, стратегические и культурологические²². Недавние исследования подчеркивают новизну массовой мобилизации во время французских революционных войн и неординарность миротворцев, положивших конец этим войнам. От ведения полномасштабной войны до эволюции дипломатических протоколов в геополитические шахматы – везде в центре текущих подходов к исследованию этой эпохи стоит влияние новых идей и практик [Bell 2007; Schroeder 1994; Rey 2012]. Делая акцент на инновациях, исследователи утверждают, что работа над Венским мирным договором представляет собой не восстановление Старого порядка и дореволюционного мирового порядка, а, скорее, кодификацию новых правовых принципов и процедур ведения европейской политики и организации европейского общества. В работах П. Шредера и других исследователей красноречиво и убедительно предлагается интерпретация, согласно которой договоры, подготовленные в ходе Венского конгресса (1814–1815), заменили концепцию «баланса сил» XVIII века, создававшую условия для конфликтов, наживы и агрессии, новым пониманием европейского порядка или европейским равновесием (*l'équilibre européen*), основанным на взаимном сдерживании, многостороннем сотрудничестве («концерте»), соблюдении договоров, международном законе, принципе легитимности и правах государств и народов [Schroeder 1994]²³.

Граница, проведенная между Вестфальской системой международных отношений, основанной на принципе баланса сил, и Венской системой, предлагавшей групповую систему для предотвращения агрессии со стороны великих держав, позволила исследователям последних лет увидеть в дипломатии эпохи Реставрации модель мирового управления XX и XXI веков. Таким образом, историки описывают новое европейское публичное право – изложенное в договорах 1814–1815 годов и выраженное в механизмах коллективной безопасности, установлен-

---

²¹ Здесь содержится далеко не полное описание историографической дискуссии.

²² Такие понятия, как «Старый порядок» и «новый порядок», известны из историографии современной Франции, особенно периода Французской революции и Наполеоновских войн. См. [Woloch 1994; Weber 1976]. См. также [Caiani 2017: 437–460].

²³ См. также [Мазовер 2016; Mitzen 2013]. В защиту концепции «баланса сил» см. [Grüner 2002].

ных на конгрессах, конференциях и консультационных встречах союзников, – как предтечу европейской интеграции, Европейского парламента, Европейского союза, Организации Объединенных Наций и других современных институтов мироуправления. Дж. Митцен, например, отдельно отмечает принципы общеевропейского управления, провозглашенные на Венском конгрессе, описывая «европейский концерт» как «первую международную общественную власть». О. В. Орлик в анализе внешней политики России после 1815 года описывает Акт Священного союза (14 (26) сентября 1815 года) как европейскую идею императора Александра I, вид европейского единства, созданный для усиления охранительных принципов реакционизма, легитимности и реставрации. М. Джарретт также считает, что по замыслу Александра I «Система конгресса» должна была работать как «зачаточное мировое правительство» [Безотосный 2014: 557–561; Ghervas 2016; Орлик 1998: 11–22; Mitzen 2013: 4–5]²⁴. Работа по достижению прочного мира, основанного на многосторонних договорах, постоянном сотрудничестве и личных встречах на конференциях, направленных на решение старых проблем и возникающих кризисов, безусловно, требовала оригинального мышления и просвещенных взглядов; однако, когда историки используют такие анахронические формулировки, как «мировое управление», «своего рода “конституционный” порядок» и «европейское правовое пространство», они преувеличивают степень, в которой системная интеграция, поведенческая психология, современная юриспруденция и даже конституционная политика были характерны для начала XIX века²⁵.

Однако существует и другой корпус недавних исследований, посвященных Венскому конгрессу, в которых представлены более критические и традиционные точки зрения. А. Замойски обращает внимание на возникновение в наполеоновской и посленаполеоновской Европе великодержавной политики и доминирование четырех или пяти государств [Zamoyski 2007]²⁶. Согласно Замойскому, Венский мир позволил группе великих держав²⁷ – в этом случае Австрии, Британии, Франции, Пруссии и России – навязывать свою волю менее крупным и относительно более уязвимым государствам²⁸. В более детальных исследованиях, которые также подчеркивают послевоенное доминирование четырех великих держав (Австрии, Британии, Пруссии и России) или гегемонию Британии и России при решении ключевых территориальных вопросов и урегулировании мира, меньше внимания уделяется Венскому миру как режиму или культуре безопасности и больше – внедренным механизмам стратегического сдерживания [Ikenberry 2001, X–XIII: 80–116]²⁹. Для того чтобы сделать условия мира в равной степени приемлемыми для победителей, побежденных, сторонних наблюдателей и второстепенных игроков, великие державы согласились ограничить собственную власть, не отказываясь, однако, от территориальных завоеваний. Результатом была система консенсуса, скорее «обоюдного ограничивающего партнерства», нежели «противовеса потенциальным агрессорам». Основываясь на вере в вечные принципы, приверженности умеренности, отказе от террито-

²⁴ См. гл. 8 в [Jarrett 2014].

²⁵ См. собрание статей под названием «“1815” – The Power of Balance» в [Leonhard 2015: 427–474] с участием М. Джарретта, Э. Конзе, Б. де Грааф, С. Гервас и М. Шульца. Приведенные здесь цитаты см. в [Leonhard 2015: 436–437, 465, 472].

²⁶ О доминировании великих держав над малыми государствами см. также [Brisku 2015: 153–169]. Относительно Священного союза А. Бриску пишет, что с точки зрения Российской империи Александр I придавал новый импульс внешнеполитической доктрине, установленной Петром Великим: то есть доминирование посредством «“защиты” соседей». В более общем плане «послевоенные соглашения Венского конгресса предусматривали долгий мир между великими державами, чьи интересы имели приоритет над интересами малых государств [Brisku 2015: 162].

²⁷ Именно с 1814–1815 годов за сильнейшими европейскими державами закрепился официально «титул» великих держав, так их стали именовать в официальных документах. В научный оборот это понятие было введено немецким историком Л. фон Ранке, в 1833 году опубликовавшим фундаментальную работу под названием «Великие державы». – *Примеч. ред.*

²⁸ О способности малых государств влиять на события см. [de Graaf 2014: 546–566].

²⁹ О системе Венского конгресса как «режима безопасности» см. [Jervis 1992: 716–724]. О «культуре безопасности» как эмоциональной концепции см. [de Graaf 2015: 447–457].

риальной экспансии, а также на организации непосредственных встреч между правителями или их уполномоченными представителями, институциональная новизна Венских соглашений заключалась в способности союзников продолжить в послевоенную эпоху работу конференций, которые, в свою очередь, привели к победе над Наполеоном³⁰. Обещание продолжать проводить конференции в мирное время для решения актуальных для всех вопросов ознаменовало создание «долгосрочных механизмов совместного управления». Хотя эти механизмы не переросли в какие-либо конкретные обязательства по обеспечению «обоюдной защиты и поддержки», это позволило периодически создавать для великих держав возможности отслеживать и влиять на политику и действия друг друга [Ikenberry 2001: 105–108]³¹.

Последние исследования также отмечают, что Россия сыграла важную военную и дипломатическую роль в период Реставрации. С 1790-х годов русские политические деятели и интеллектуалы задавались вопросом, как добиться установления мира и стабильности в Европе. Разрабатывая концепцию европейского порядка, они формулировали идеи о месте Российской империи в Европе и мире. На основании дипломатической переписки (которая обычно велась на французском) в этой главе освещаются точки зрения, представленные на Венском конгрессе, через призму исторического опыта и имперской политики. Мышление и настрой императора Александра I во многом определяли русскую дипломатию; однако ее нельзя описать как продукт «очень личной и непредсказуемой внешней политики» [Ikenberry 2001: 83]³². Напротив, при более подробном изучении отношения России к Венскому конгрессу исследователи приходят к выводу, что внешняя политика страны или народа, как неоднократно отмечал Г. Киссинджер, глубоко укоренена в его историческом самоопределении, памяти и самосознании [Ferguson 2015: 134–143]. История России также демонстрирует, что социология или структуралистский подход к исследованию дипломатии – подход, фокусирующийся на «вопросе определяющих факторов... и их взаимосвязи в разрезе внутренней, экономической и внешней политики», – невозможно эффективно применить для описания запутанного процесса интерпретации условий мирных соглашений и применения их в конкретных ситуациях на местах³³.

³⁰ Дж. Икенберри считает, что за идеей сохранения союза стоят британская дипломатия, стратегические трудности и верность союзническому единству. Для него министр иностранных дел Британии Р. Каслри – герой Венских соглашений, в то время как Александр – автократ, ведущий непоследовательную внешнюю политику. В действительности же приписываемые Икенберри британской политике и конституционализму достижения и устремления в той же степени были свойственны и русской дипломатии. Утверждение Икенберри, что автократичный и непостоянный характер русского государства, воплощенный в его лидере, поставил крест на создании более прочного институционального урегулирования, особенно пренебрежительно и стереотипно [Ikenberry 2001: 90–98, 112, 109–116]. Похожим образом классическое исследование Г. Киссинджера выводит на первый план Каслри и министра иностранных дел Австрии К. фон Меттерниха. См. [Kissinger 1957]. См. также [Kissinger 1956: 264–280]. О коалиционной политике 1813–1814 годов см. [Lieven 2009].

³¹ Взгляды П. Шредера эволюционировали и со временем становились более умеренными, однако он оставался самым активным поборником того, что концепция баланса сил не применима к Венским соглашениям. Вместо этого он утверждает, что эти соглашения создали два государства-гегемона, две супердержавы – Британию и Россию – и три менее крупные державы – Австрию, Францию и Пруссию, – которые могли потенциально выполнять роль гегемона в ограниченных региональных контекстах. См. [Schroeder 1994: 575–582]. Об эволюции интерпретации Шредера см. [Grüner 2002].

³² Лучшим англоязычным обзором внешней политики России в эту эпоху остается работа П. Гримстед [Grimsted 1969].

³³ За структуралистский подход выступает В. Грюнер в [Grüner 2002].

Правовое урегулирование

Историки относят просветительские дискуссии о вечном мире, в рамках которых возникла идея лиги независимых европейских государств, к периоду, когда Утрехтский, Раштаттский и Баденский мирные договоры (1713–1714) завершили Войну за испанское наследство (1701–1714). В 1780-х годах идея кодификации международного права с целью создания основы для вечного мира между цивилизованными (т. е. христианскими) странами возникла в работах И. Бенгема [Ghervas 2017; Bell 2008: 52–119; Agusti 2015: 41–43]³⁴. Для этого исследования более непосредственное значение имеет сложная коалиционная политика, которая в итоге и привела к победе над Наполеоном и достигнутым на Венском конгрессе мирным соглашениям, а началась она летом 1792 года в результате Великой французской революции и на заре революционных войн. Согласно российским историкам, император Павел неоднократно выражал интерес к конференционной дипломатии, а в 1804–1805 годах император Александр I и его дипломатические агенты – например, товарищ министра иностранных дел и польский патриот князь А. А. Чарторыйский – разрабатывали предложения по прочному миру в Европе. Предложения, представленные британскому правительству в сентябре 1804 года Н. Н. Новосильцевым, одним из «молодых друзей» императора и членом Негласного комитета³⁵, выросли из переговоров о военном союзе против Наполеона, в которых также формулировались общие планы по устройству Европы после победы над Францией [Grimsted 1970: 19–91]³⁶. Предложения России включали следующие принципы: 1) признание права на нейтралитет; 2) идею о том, что нации должны жить при политической организации, соответствующей своему характеру; 3) признание того, что мир изменился и священные гуманистические права следует уважать; 4) принятие необходимости предотвратить дальнейшие революции, которые могут привести только к войне; 5) признание того, что, хотя принципы и универсальны, их следует применять с учетом особенностей территории и вовлеченных народов; 6) обязательство управлять институтами в духе мудрости и доброжелательности; 7) идею о европейской федерации или лиге наций, основанной на уважении к нациям/народам, международном праве (праве наций) и принципах, которые могли бы служить фундаментом для всей европейской политики; 8) идею о том, что никакое правительство не должно объявлять войну, не попытавшись прежде решить вопрос через посредников; и наконец, 9) необходимость в международной системе гарантий мира [Menger 2014: 118–131; Rey 2016; Schroeder 1994: 249–264]. Хотя эти принципы, изложенные в предложениях России, были расплывчатыми и разноплановыми, они нашли свое применение в мирных договорах 1814–1815 годов.

Ответ Великобритании, представленный У. Питтом Младшим в дипломатическом документе от 19 января 1805 года, предполагал разговор скорее на языке альянсов и конфедераций, нежели лиг и федераций, но тем не менее идея ассоциации государств под протекцией России и Британии, созданной для обеспечения прав народов, была принята. В комплексе мер, заявленных как приемлемые для правительства Британии и России, в дипломатическом документе предусматривалось «при восстановлении мира всеобщее соглашение и гарантия взаимных защиты и безопасности различных государств, и восстановление общей системы публичного права в Европе». Для того чтобы придать миру прочности и стабильности, документ предлагал «договор, сторонами которого должны стать все основные державы Европы, в котором будут зафиксированы их права и владения... и они должны обязаться защищать и под-

---

³⁴ Об идее «вечного мира» см. [Орлик 1998: 13–15; Орлов 2015: 439–454].

³⁵ Неофициальный высший совещательный орган при Александре I, образованный 4 июня (6 июля) 1801 года и состоявший из его сподвижников, членом бывшего «Кружка молодых друзей». – *Примеч. ред.*

³⁶ Эти переговоры привели к созданию Третьей коалиции 1805 года [Grimsted 1969: 104–150]. Об императоре Павле см. [Ragsdale 1994: 129–151].

держивать друг друга при любой попытке посягнуть на них». Договор смог бы «восстановить общую и всеобъемлющую систему публичного права в Европе и обеспечить, насколько это возможно, подавление будущих попыток нарушить общее спокойствие; и прежде всего сдерживать любые проекты территориальной экспансии и любые амбиции, близкие тем, что привели ко всем бедствиям, возникавшим в Европе с начала катастрофической эпохи Великой французской революции». Этот договор должен был обеспечиваться специальной гарантией Великобритании и России, и тем самым обе державы должны были взять на себя обязательства «вместе принимать активное участие в том, чтобы предотвращать его нарушение».

В апреле 1813 года, когда окончательные очертания приобрел альянс, в конечном итоге победивший Наполеона, британский министр иностранных дел Р. Стюарт, виконт Каслри переслал документ от 1805 года посланнику Британии в Санкт-Петербурге виконту У. Кэткарту³⁷. По словам Каслри, несмотря на то что некоторые предложения 1805 года больше не применимы, эта депеша оставалась «образцовой схемой восстановления Европы», которую посланник должен был обсудить с императором Александром I [Webster 1921: 389–394]. Как отмечалось в дипломатическом документе Питта, миссия Новосильцева касалась формирования британско-русского союза для победы над Наполеоном, восстановления баланса сил в Европе и создания новой системы международного права³⁸. Существовало несколько путей по достижению этих целей. Поэтому не все историки убеждены, что предложения Александра от 1804 года на самом деле представляли собой план вечного мира. Прошло еще одно десятилетие – более того, десятилетие неустойчивой коалиционной политики, провальных союзов, нарушенных мирных договоров и кровавых военных поражений, – прежде чем европейские дипломаты и политики объединились, чтобы проработать детали того, что должно было стать соглашением о прочном мире³⁹.

Непосредственное создание системы умиротворения и мира началось с Шомонского трактата о создании антифранцузского военного союза, подписанного 26 февраля (10 марта), но датированного 17 февраля (1 марта) 1814 года. В этом договоре будущие миротворцы начали выработать концепцию восстановления европейского порядка, европейского общества и европейской политической системы – эта задача не будет решена вплоть до Аахенского конгресса 1818 года, на котором Франция вернулась в европейский союз на правах одной из пяти великих держав. После окончательного поражения Наполеона в июне 1815 года ряд соглашений, обозначаемых как Венские соглашения, включал в себя Шомонский трактат, первый Парижский мирный договор (18 (30) мая 1814 года), Заключительный акт Венского конгресса (28 мая (9 июня) 1815 года), Акт Священного союза (14 (26) сентября 1815 года), второй Парижский мирный договор (8 (20) ноября 1815 года), акты, составившие Четверной союз (8 (20) ноября 1815 года), а также протоколы и декларации Аахенского конгресса (3 (15) ноября 1818 года). В совокупности эти договоры, конвенции и протоколы составляли публичное право в Европе и таким образом определяли правовые рамки европейской дипломатии, межгосударственных связей и отношений между правительствами и народами до начала Первой мировой войны или, согласно российской историографии, до Крымской войны 1853–1856 годов.

Шомонский трактат, которому предшествовал проект «Договора о наступательном и оборонительном союзе против Франции», подготовленный главой Министерства иностранных дел

³⁷ Роберт Стюарт, второй маркиз Лондондерри, виконт Каслри (1769–1822); Уильям Кэткарт (1755–1843).

³⁸ Миссия Новосильцева привела к подписанию 11 апреля 1805 года британско-русской конвенции, предусматривавшей привлечение к участию в коалиции Австрии и Пруссии, поставку Британией военно-транспортных судов, сухопутных и морских сил, а также субсидий государствам – участникам коалиции, возврат Франции к ее старым, дореволюционным границам, восстановление независимости оккупированных Францией государств и территориальную компенсацию для Австрии и Пруссии. В исследовании П. Шредера этот союз представляет собой антифранцузскую коалицию, баланс сил между германскими государствами, систему барьеров против Франции в интересах Британии, протекторат над Германией и Италией в интересах России [Schroeder 1994: 262–276; Орлов 2015: 452]. О миссии Новосильцева см. [Орлик 1995: 50].

³⁹ О последних исследованиях Венского конгресса см. [Vick 2014; Lentz 2013].

Великобритании Р. Каслри (18 сентября 1813 года), был оформлен в виде идентичных актов, подписанных каждой из четырех держав – Австрией, Британией, Пруссией и Россией – с тремя остальными⁴⁰. В это время союзники проводили мирные переговоры с Францией, и в случае, если бы Наполеон отклонил предложенные условия, стороны договора обязались вести решительную войну, чтобы положить конец несчастьям, терзающим Европу, и восстановить справедливый баланс сил. Каждая из стран согласилась держать под ружьем 150 000 солдат «в полном составе, не считая гарнизонов, и употреблять их в действие против общего неприятеля», стороны договора обязались «не вступать с общим неприятелем в отдельные переговоры и не подписывать ни мира, ни перемирия, ни конвенции иначе, как с общего согласия» [Мартенс 1874–1909], что было особенно важным положением в свете того, что с 1792 года антифранцузские коалиции раз за разом распадались. Британия обязалась ежегодно финансировать союзные армии, размер субсидии был определен в 5 млн фунтов стерлингов на всех⁴¹. В дополнение при заключении мира с Францией союзники должны были бы взять на себя обязательства по обеспечению прав и свобод всех европейских народов путем совместных действий для охранения их владений в Европе от всяких нападений. Если одна из держав столкнулась бы с угрозой нападения со стороны Франции, остальные пообещали друг другу предотвратить нападение на союзника дружеским вмешательством. И наконец, все боевые действия, текущие и будущие, должны были прекратиться по общему соглашению союзников, объединенных оборонительным альянсом против Франции.

Поскольку целью этого союза было сохранение равновесия в Европе, обеспечение спокойствия и независимости государств и предотвращение будущих нападений, договаривающиеся стороны приняли эти условия на срок в 20 лет и согласились рассмотреть возможность продления договора на три года до даты окончания срока его действия. Если говорить точнее, отдельные секретные статьи оговаривали детали более широкого европейского мира. Германия становилась конфедерацией независимых суверенных государств, объединенных с целью военной защиты, а Швейцария снова обретала независимость, которую гарантировали все союзники. В Италии закреплялась раздробленность и гарантировались французские и австрийские владения. В Испании должен был править король Фердинанд VII, а Голландия с дополнительными территориями и в приемлемых границах становилась свободным и независимым государством под правительством принца Оранского (будущего короля Вильгельма II)⁴². Когда мир с Францией наконец стал бы реальностью, союзники обещали на временной основе содержать армию для обеспечения реализации и укрепления договоренностей.

Следующий шаг по умиротворению Европы и построению мира последовал после отречения Наполеона, его ссылки на Эльбу в апреле 1814 года и восстановления династии Бурбонов на французском троне при Людовике XVIII. В соответствии с первым Парижским договором, король Франции и союзники (Австрия, Британия, Португалия, Пруссия, Россия, Испания и Швеция) согласились на возврат Франции в границы 1792 года с дополнительными территориями в Савойе и Пфальце. Этот мирный договор, который историки описывают как великодушный и ни в коей мере не карательный, передал Франции, очевидному агрессору, дополнительные, по сравнению с январем 1792 года, 600 000 человек населения. Союзники не потребовали репараций, не ограничили численность французской армии и не изменили гра-

⁴⁰ О проекте Каслри см. [Webster 1921: 19–33]. Договор был подписан в ночь с 9 на 10 марта, но датирован задним числом – 1 марта (по новому стилю). Текст Договора см.: ВПР. Т. VI–XII. См. также: ВПР. Т. VII. Док. 233 (17 февраля (1 марта) 1814 г.). Опубликованный Договор об оборонительном союзе заключен между Россией и Австрией. С. 587–895.

⁴¹ В каждом случае, когда союзники соглашались предоставить войска, Британии давался выбор оплатить иностранных солдат вместо предоставления собственных войск. Платежи такого рода должны были идти отдельно от ежегодных субсидий в размере 5 млн фунтов стерлингов.

⁴² Швейцарская Федерация и Испания были бы восстановлены в прежних границах. Союзники не выполнили обговоренные положения по приглашению принца Оранского и королей Португалии, Испании и Швеции вступить в союз.

ницу вдоль Пиренейских гор. Договор также позволил Франции оставить у себя захваченные во время войн художественные ценности, также была возвращена бóльшая часть французских заморских колоний, захваченных Британией⁴³. В ответ Франция отказывалась от территориальных претензий в адрес Бельгии, Германии, Голландии, Италии, Мальты и Швейцарии. На основании дополнительных секретных статей Франция уступила Австрии Венецию, а Королевству Сардинии – Геную, в Тоскане была восстановлена Габсбург-Лотарингская династия Фердинанда III, а граница между Австрией и Италией была проведена по реке По и озеру Лаго-Маджоре. Секретные статьи также предусматривали независимый Германский союз и признание включения Бельгии в Голландию. Союзники согласились, что для обеспечения мира и безопасности в интегрированной Европе нужна сильная и стабильная Франция. По этой причине Британия и Россия выступали за конституционную хартию во Франции и мир через равновесие. Хотя значительные слои населения Франции выступали против окончательных условий европейского урегулирования, считая, что победители наказывали и ставили их страну в подчиненное положение, историки сходятся во мнении, что в целом в этом процессе господствовали дух воссоединения и стремление к защите и безопасности [Schroeder 1994: 507–509; Хартли 1998].

Однако работа по умиротворению и установлению мира оставалась незаконченной, и союзники согласились провести конгресс в Вене для решения остававшихся проблем: вопросов вокруг Польши и Саксонии, реорганизации Германии, территориальных приращений Германии, Голландии, Италии и Швейцарии⁴⁴. Для России будущее Польши имело первостепенное значение. В конце XVIII века прекратила свое существование некогда могущественная Речь Посполитая, за чем последовали три раздела территории Польско-Литовского государства между Россией, Австрией и Пруссией (1772, 1793 и 1795). В рамках Тильзитского мира (25 июня (7 июля) 1807 года) между Францией и Россией император Александр I признал создание Варшавского герцогства, что восстанавливало Польское государство и передавало его в полную собственность и обладание короля саксонского [Rey 2016; Schroeder 1994: 320–323]. Однако в 1814–1815 годы Александр решил упразднить Варшавское герцогство и заменить его Царством Польским, привязанным к России конституцией, которая предоставляла бы административную автономию, признавала за сеймом право формирования бюджета и сделала бы императора России королем польским⁴⁵. Чтобы примирить свои планы на Польшу с обязательством вернуть Пруссию к ее территориям и численности населения 1805–1806 годов, Александр I надеялся, что Фридрих-Вильгельм III удовлетворится Саксонией в качестве компенсации. Союзники начали обсуждения в сентябре 1814 года, и в октябре стало очевидно, что Каслри и министр иностранных дел Австрии князь Меттерних были против того, чтобы смещать или лишать собственности короля Саксонии. В ответ они утверждали, что смещение короля Саксонии нарушит принцип легитимности (даже несмотря на то, что он не торопился оставлять Наполеона)⁴⁶.

Переговоры продолжались до 1815 года и на протяжении всего Венского конгресса, который начался в середине сентября 1814 года⁴⁷. Благодаря личным отношениям между

⁴³ Исключения представляли острова Сейшелы и Маврикий в Индийском океане, Тобаго и Сент-Люсия в Вест-Индии. Французская часть Санто-Доминго отходила Испании. Первый Парижский договор также признавал контроль Британии над Мальтой и голландским мысом Доброй Надежды.

⁴⁴ День спустя после подписания Первого парижского договора швейцарские кантоны приняли федеральный пакт, принимающий Женеву в Швейцарскую Федерацию. В августе после военного конфликта Норвегия приняла автономию под управлением Швеции [Schroeder 1994: 513–516].

⁴⁵ Либеральная польская конституция никогда не была реализована в полном объеме, а сейм остался совещательным органом [Орлик 1998: 24–25].

⁴⁶ Князь Клеменс Венцель Лотар фон Меттерних-Виннебург-Бейльштейн (1773–1859).

⁴⁷ Предварительные заседания начались в сентябре, а российские исследователи обозначают начало конгресса в октябре [Schroeder 1994: 12; Иванов и др. 2002, 1: 256–266].

монархами России и Пруссии и верности Фридриха-Вильгельма Александру Пруссия отказалась вступать в соглашение, целью которого было сорвать планы России. Постепенно правитель России добился своего, но только после того, как его военный губернатор в Саксонии передал Пруссии временное управление территорией (8 ноября 1814 года), и после того, как Австрия, Британия и Франция заключили секретный союзный договор против Пруссии и России (3 января 1815 года)⁴⁸. Император Александр, непоколебимый строитель империи, как и его бабушка Екатерина II, верил, что Россия обладает моральным правом на Польшу, что счастье польского народа зависит от восстановления единого национального образа жизни и что Польша, объединенная под русской короной, поможет обеспечить безопасность в Европе. В декабре 1814 года и январе 1815 года для достижения более глобальной цели Александр признал территориальные компромиссы по Польше и признал, что не вся территория Саксонии может отойти Пруссии. К середине декабря Австрия и Британия примирились с позицией России, хотя вопрос Саксонии остался нерешенным. Окончательное соглашение возникло в феврале 1815 года. Австрия сохранила Галицию и получила новые земли в Италии, Краков стал «вольным городом», а Пруссия получила около половины территории и две пятых населения Саксонии в дополнение к Шведской Померании, Герцогству Вестфалии и большей части левого побережья Рейна⁴⁹.

Казалось, что серьезное напряжение среди союзников, обнаружившееся в результате польско-саксонского спора, косвенного восстановления Франции в статусе одной из пяти великих держав, одной из «пятерки», и секретного оборонительного союза, направленного против Пруссии и России, улетучилось, когда Наполеон вернулся на континент в конце февраля, что поставило под угрозу не только прогресс в венских переговорах, но и в целом мир в Европе. В конце марта король Людовик XVIII бежал в Бельгию, и Бонапарт вернул себе французский трон. На протяжении это кризиса Венский конгресс, который собрал в одном месте глав 216 государств (2 императоров, 4 королей, 2 наследных принцев, 3 великих герцогинь и 250 владетельных князей), продолжал работу по изменению территориальных границ в Европе на основании принципов равновесия и обоюдного уважения между суверенными государствами⁵⁰ [Schroeder 1994: 12]. Союзники аналогичным образом ответили на военную угрозу быстро, эффективно и в унисон с формальным возобновлением союза по свержению Наполеона (договор от 13 (25) марта 1815 года)⁵¹. Никого не беспокоило, что война с Францией

⁴⁸ В тайный союз против Пруссии и России также вступили Бавария, Ганновер, Гессен-Дармштадт, Объединенное королевство Нидерландов и Сардиния. Некоторые историки видят в этом союзе возвращение Франции к статусу великой державы. См.: ВПР. Т. VIII. Сноска 81. С. 633–636.

⁴⁹ Австрия сохранила за собой регион Тернополья, контролировала Северную Италию и выигрывала от установления зависимых династий в Парме и Тоскане. Компромисс по Польше был кодифицирован в договорах, отдельно подписанных Россией с Австрией и Пруссией 21 апреля (3 мая) 1815 года, и в Дополнительном договоре между Россией, Австрией и Пруссией о Кракове, его округе и конституции, заключенном 21 апреля (3 мая) 1815 года. См.: ВПР. Т. VIII. Аннотация (21 апреля (3 мая) 1815 г.). С. 294–295. Обзор польско-саксонского вопроса см. [Schroeder 1994: 523–538; Торкунов, Наринский 2012б: 184–185; Rey 2016; Kissinger 1957: 149–171; Ревякин, Васильева 2012]. Договор 1817 года делимитировал границу между Пруссией и Царством Польским, однако оставались неопределенности, и переговоры продолжались до октября 1820 года. 28 апреля 1820 года Александр проинструктировал своего представителя генерала Ф. Ф. Довре придерживаться положений существующих законов и продолжать «линию умеренности» в переговорах. 5 (17) октября 1820 года монарх одобрил предложенную польскими и прусскими комиссарами демаркацию и уполномочил своего посланника в Берлине барона Д. М. Алопеуса начать переговоры с правительством Пруссии. Все это время вызывающие разногласия вопросы сохранялись. См.: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 2990. Доклады. Л. 24–25. Черновая депеша барону Д. М. Алопеусу, одобренная Александром (24 февраля 1820 г.); л. 42–42об. Черновая депеша генералу Ф. Ф. Довре, одобренная Александром (24 февраля 1820 г.); л. 71. Черновая депеша графу В. Ф. Соболевскому, одобренная Александром (3 (15) октября 1820 г.); л. 72–72об. Черновая депеша барону Д. М. Алопеусу, одобренная Александром (3 (15) октября 1820 г.); л. 73–75об. Черновая депеша графу К. Г. Бернсторфу в Берлине, одобренная Александром (3 (15) октября 1820 г.).

⁵⁰ Последние российские исследования насчитывают 2 императоров, 4 королей, 2 наследных принцев, 3 великих герцогов, 215 глав княжеских семей и 450 дипломатов и других чиновников [Иванов и др. 2002, 1: 265–266].

⁵¹ См.: ВПР. Т. VIII. Док. 102 (13 (25) марта 1815 г.). Договор о союзе между Россией и Великобританией. С. 240–245; ВПР. Т. VIII. Аннотация (13 (25) мая 1815 г.). Манифест Александра I к населению Царства Польского о создании Царства

могла представлять собой вмешательство во внутренние дела Франции или что могло нарушаться право французов выбирать своих правителей или конституцию. В этом случае «Большая восьмерка» (Австрия, Франция Бурбонов, Британия, Португалия, Пруссия, Россия, Испания и Швеция) согласилась, что Наполеон был преступником, которого нужно было победить [Schroeder 1994: 550–559]. Это произошло 18 июня при Ватерлоо, и 22 июня Наполеон во второй раз отрекся от трона. Людовик XVIII вернулся в Париж 8 июля. Несмотря на опасности, потрясения и неопределенности «Ста дней», миротворцы подписали Заключительный акт Венского конгресса (28 мая (9 июня) 1815 года) [Kissinger 1957: 171–174; Schroeder 1994: 546–573].

Работа на Венском конгрессе продолжалась более девяти месяцев, и к июню 1815 года участники пришли к соглашению по территориальным границам Европы, по форме правления, которую следует учредить в восстановленных и недавно получивших независимость государствах, и по тому, кто должен править в этих государствах [Kissinger 1957: 215–217; Schroeder 1994: 560–582]. Заключительный акт, ратифицированный всеми участниками, через обмены территориями, при которых население менялось на население, отменил большую часть территориальных изменений, введенных Наполеоном. Чтобы достичь этого результата, миротворцы подчинили национальные сантименты и чаяния законным династическим претензиям и более глобальным геополитическим целям, которые, по замыслу четырех великих держав, должны были быть в интересах всей Европы. Заключительный акт подтвердил первый Парижский мирный договор и создал Германский союз, состоящий из 39 суверенных государств с федеральным собранием во Франкфурте. Независимые государства и вольные города обязались объединиться в оборонительный союз, детали которого должны были быть разработаны федеральным собранием⁵². Кроме того, Заключительный акт ратифицировал соглашения, касающиеся территориальных границ и политической организации Объединенного королевства Нидерландов (объединение Бельгии и Голландии), Ионических островов, Италии, Скандинавии и Швейцарии⁵³. В заключение процедуры и законодательство конгресса установили дипломатические регламенты и протоколы, задавшие стандарты дипломатии XIX века, в принципе приняли решение об отмене работорговли, установили международный контроль над судоходством по главным рекам⁵⁴. В результате, Заключительный акт Венского конгресса, объединив в один пакет множество посвященных разным ситуациям договоров, имплицитно гарантировал их признание и исполнение.

Последние компоненты правового урегулирования, внедренные в 1814–1815 годах, состояли из второго Парижского мирного договора и акта Четверного союза, оба от 8 (20) ноября 1815 года⁵⁵ [Kissinger 1957: 179–184, 215–217; Schroeder 1994: 548–560; Rey 2016; Хартли 1998; Blanning 2007: 670–675]. Если договоры, ратифицированные в Заключительном акте Венского конгресса, определяли правовые аспекты умиротворения и мира в Европе, то договоры от ноября 1815 года предписывали, как великие державы будут регулировать и поддерживать мир в будущем. Неудивительно, что второй Парижский договор вводил

Польского в рамках Российской империи и предоставлении полякам конституции. С. 347.

⁵² Tableau statistique de la Confédération Germanique // Le Conservateur impartial. 9 (21) августа 1818 г. № 64. С. 284.

⁵³ Четырехсторонний договор от 5 ноября 1815 года устанавливал Ионическую республику, во главе которой должен был стоять Верховный комиссар Британии в соответствии с конституцией, подготовленной Ассамблеей Ионических островов. О британском правлении на Ионических островах см.: ВПР. Т. I (IX). Док. 95 (29 октября (10 ноября) 1816 г.). Доклад [И. А. Каподистрии] Александру I. С. 278–284.

⁵⁴ Реки Рейн, Майн, Мозель, Маас и Шельда.

⁵⁵ Положение от 19 марта 1815 года, в дальнейшем развитое в российском законодательстве консульским положением 1820 года, определяло дипломатические ранги в Европе: посол, посланник, полномочный министр, министр-резидент и поверенный в делах. Посол лично представлял главу государства, посланник был аккредитован при главе принимающего государства, а поверенный в делах – при министре иностранных дел принимающей страны. Дипломатические ранги также включали представителей, отправленных во временные и чрезвычайные миссии. В 1825 году Российская империя поддерживала 34 генеральных консульства, 19 из которых находились в Европе [Иванов и др. 2002, 1: 271–273].

более суровые условия для Франции, чем первый⁵⁶. Территориальные потери вернули страну к границам 1790 года: Саар отошла к Пруссии, а часть Савойи – к Пьемонту. По договору на Францию также была наложена контрибуция в размере 700 млн франков и предусматривалась оккупация северо-восточной территории страны союзными войсками на протяжении не более пяти лет⁵⁷. Франция согласилась оплатить возведение пограничных крепостей в Бельгии и Германии в рамках компенсации и вернуть захваченные в войнах произведения искусства. Наибольшее значение для будущего имело возобновление союзниками Шомонского трактата в виде Четверного союза, заключенного на 25 лет. Четверной союз не включал в себя Францию Бурбонов и рассматривал агрессию со стороны Франции или возвращение Наполеона как *casus foederis*, или договорный случай, который должен был повлечь за собой военные действия со стороны союзников. В соответствии со статьей VI союзного договора, четыре державы также согласились в будущем созывать конгрессы и проводить конференции с целью укрепления мира, процветания и покоя в Европе. Учрежденная в Париже посольская конференция, которую историки описывают как административный орган или постоянную лигу, предоставляла площадку для непрерывных дипломатических переговоров с целью обеспечения реализации второго Парижского мирного договора и взаимодействия по другим вопросам, которые могли возникнуть [Rey 2012: 332–333]⁵⁸.

Существует большое количество исторической и юридической литературы (с начала XIX века), которая описывает Венские соглашения как правовую систему. Не так давно М. Шульц ссылаясь на инструменты мягкой и жесткой силы, которые создали основу механизма коллективной безопасности. В них входили многосторонние территориальные гарантии, признание государственного нейтралитета, использование посредничества для достижения компромисса, коллективные послания, совместные посольские представительства, ультиматумы, военно-морские демонстрации, морские блокады и военные интервенции. Любой из этих инструментов мог быть применен коллективно или делегирован отдельным государствам, их применение могло быть одобрено дипломатическими конференциями, конгрессами, комиссиями, протоколами и совместными переговорами с конфликтующими сторонами [Schulz 2015: 135–136]⁵⁹. Вопрос о том, достигли ли эти механизмы уровня правовой системы, является спорным. Однако стоит отметить, что в то время как Россия неизменно заявляла о ведении внешней политики в строгом соответствии с предписаниями договоров, для правительства России справедливость и строгое следование правилам были разными вещами. Россия не являлась правовым государством (*Rechtsstaat*), несмотря на то что русские монархи правили через законы (верховенство законов в противовес верховенству закона). Поэтому прежде чем характеризовать Венские соглашения как когерентную правовую систему, историкам необходимо изучить, как осуществлялось правосудие и какую роль закон играл в отдельных политиках⁶⁰. Различное понимание закона и значений правовых предписаний может помочь объяснить разногласия, почти моментально возникшие между государствами, намеревавшимися выполнять условия и жить в соответствии с Шомонским трактатом, Парижским мирным договором, Венскими соглашениями и более ранними все еще действующими договорами.

⁵⁶ ВПР. Т. VIII. Док. 272 (8 (20) ноября 1815 г.). Мирный договор между Россией и Францией. С. 600–609.

⁵⁷ В итоге оккупация длилась всего три года.

⁵⁸ ВПР. Т. VIII. Док. 273 (8 (20) ноября 1815 г.). Договор о союзе между Россией и Австрией. С. 609–614.

⁵⁹ См. также [Schulz 2009].

⁶⁰ Правоведы, специализирующиеся на XIX веке, рассматривают кодификацию международного права как незрелую [Augusti 2015: 41–43].

Моральное урегулирование: Священный союз

Император Александр I и его дипломатические агенты ценили новаторство Венских соглашений; однако в их понимании международное управление или механизмы коллективной безопасности не были предпочтительны. Их представление о договорных обязанностях не ограничивалось также публичным законом, определяющим территориальные соглашения, легитимностью политической власти и регулярными встречами на дипломатических конференциях. С точки зрения России, не меньшее значение имел Акт Священного союза от 14 (26) сентября 1815 года, который историки склонны описывать как краеугольный камень охранительной посленаполеоновской внешней политики, направленной на предотвращение революции путем поддержки Церкви и монархии или через веру в мировую историческую миссию Русской православной церкви, что являлось выражением протославянского романтического национализма. Несмотря на то что они, безусловно, важны для истории Священного союза, все эти интерпретации сконцентрированы в большей степени на том, во что Союз превратился после правления Александра I, нежели на том, какое значение он имел в момент заключения. В глазах российского монарха и Министерства иностранных дел Священный союз функционировал как элемент корпуса европейского публичного права, определявшего территориальные соглашения и межгосударственные отношения после победы над Наполеоном⁶¹.

Русские исследования в описании Священного союза подчеркивают влияние нового духа морали, заметного во всей Европе, ставящего общую заинтересованность в мире над частными интересами территориальных государств и отдельных союзов⁶². Как показывает история Европы эпохи Реставрации, возникшая после революции необходимость в пересмотре социальных и политических ожиданий не требовала от миротворцев оставить принципы просвещенного реформизма XVIII века. По этой причине биографии последних лет указывают, что министр иностранных дел Каслри, министр иностранных дел Меттерних и император Александр I стали успешными миротворцами, оставаясь представителями умеренного крыла Просвещения [Siemann 2016; Wew 2012; Rey 2012; Хартли 1998]⁶³. В своих усилиях по продвижению Священного союза и попытках объяснить его связь с Венскими соглашениями Россия связывала возникновение мира с законными политическими изменениями, христианской моралью и верой в Провидение и божественную власть над Его творением⁶⁴. Другими словами, Священный союз согласовывался с концепциями благого управления и культурного прогресса XVIII века⁶⁵.

⁶¹ В. М. Безотосный рассматривает Священный союз монархов как основу Венской системы. Русские исследователи отдают Священному союзу более важную роль, нежели историки из стран Европы. См.: Безотосный В. М. Венский конгресс: Европа и Россия [Безотосный и др. 2002–2019: 7–12]. Р. Стайтс описывает Священный союз как консервативный международный документ-образец, продукт мистицизма и обращения к вере Александра I и антилиберализма Меттерниха [Stites 2014].

⁶² См.: Каподистрии. И. *Observations sur les véritables intérêts de l'Europe // Le Conservateur impartial*. 2/14 марта 1817. № 18. С. 99–101. Об авторстве Каподистрии см.: ВПР. Т. I (9). Аннотация (2 (14) марта 1817 года). С. 474.

⁶³ Об умеренном крыле Просвещения см. [Israel 2006].

⁶⁴ Священный союз обладает собственной значительной историографией, которая здесь не может быть рассмотрена полностью. Достаточно будет сказать, что как в рамках русских исследований, так и вне их исследовали часто изображают этот союз либо как инструмент монархической реакции, внедренный Австрией, Пруссией и Россией, либо как продукт религиозного обращения и мистицизма Александра I. Ни один из этих подходов не является достаточно убедительным, несмотря на то что нарождающийся романтический национализм в России действительно предлагает продуктивные направления исследования. Современные русские исследования, включая неопубликованные работы 1920–1930-х годов, имеют более сложный характер. В этой работе Священный союз рассматривается как выражение мистической религиозной духовности, аспект европейской дипломатии и система внутренних политик. Одна из наиболее интересных гипотез заключается в том, что Александр стремился трансформировать язык европейской дипломатии и политики в язык религиозного мистицизма [Надлер 2011; Флоровский 2006; Rey 1975; Зорин 2001; Rey 2016; Menger 2014; Brisku 2015]. О типовом подходе к вопросу см. [Keene 2005: 172–174]. Современные русские исследования см. [Парсамов 2003: 44–66].

⁶⁵ Эту мысль я начала развивать в [Wirtschafter 2018: 208–218].

Подписанный в Париже 14 (26) сентября 1815 года Акт между Александром I, Францем I и Фридрихом-Вильгельмом III начинался с благодарности за благодеяния, ниспосланные монархам Божественным промыслом за последние три года⁶⁶. Подписанты обещали править своими государствами и в политических отношениях ко всем другим правительствам руководствоваться не иными какими-либо правилами, а заповедями святой веры, заповедями любви, правды и мира⁶⁷. В частности, три монарха поклялись, что пребудут соединены узами действительного и неразрывного братства, и почитая себя как бы единоземцами, они во всяком случае и во всяком месте станут подавать друг другу пособие, подкрепление и помощь; в отношении же к подданным и войскам своим они как отцы семейств будут управлять ими в том же духе братства, которым они исполнены для сохранения веры, мира и правды⁶⁸. Описывая себя и свои народы как членов единого народа христианского, монархи поклялись жить по заповедям и следить за тем, чтобы их подданные жили так же. Договор провозглашал, что обеспечить мир можно, только исполняя свой человеческий долг перед Богом. В соответствии со статьей III, подписанты согласились приглашать глав других (европейских) государств присоединиться к союзу, этот шаг обязывал бы их править и организовывать отношения между собой также согласно с вечными принципами священного закона. Король Франции Людовик XVIII подписал Акт 7 (19) ноября 1815 года, и в последующие два года почти все европейские правители великих держав и малых государств вступили в союз. Было всего два исключения: Папа Римский Пий VII и принц-регент Англии (будущий король Георг IV). Первый отверг Акт как нарушающий католические догматы, второй отказал в своей подписи из-за английской конституции, однако заявил о полном своем личном согласии со всеми христианскими принципами, положенными в основу Священного союза⁶⁹.

Для Александра и его дипломатов этот акт братского христианского союза являлся воплощением духа европейского мира, руки Бога в человеческой истории и роли монархов как проводников Божественного провидения. Как отмечал просвещенный русский государственный деятель М. М. Сперанский, Священный союз происходил не из любви к себе или в результате личных действий суверенных подписантов, а из-за того, что они превратились в органы «чистого излияния... Христовой благодати» [Сперанский 2002]. Рассматриваемый Сперанским как «практическая реализация духовной функции царствования», Священный союз заявлял, что целью человеческих обществ является вести народ к единству в Христе, главенствующем над христианскими государствами. Более того, Священный союз мог сохраниться, только если монархи будут молиться, читать Священное Писание и жить как истинные христиане [Raeff 1957: 225–226]. Религиозные учения о единстве Церкви и монархии, человеческой и небесной истории и власти Господа над христианским народом долгое время были столпами русской политической мысли [Wirtschaftler 2013].

Начиная с европейского Ренессанса вокруг вечных принципов христианского правления укоренились современные надстройки – идеи об абсолютной политической власти, общем благе и общественном договоре, – хотя в России философия морали не совершала значи-

⁶⁶ Полное собрание законов Российской империи. Серия I. 1649–1825. 46 т. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. СПб., 1830 (в дальнейшем – ПСЗ (I)). Т. XXXIII. Док. 25943 (14 (26) сентября 1815 г.). С. 279–281. Французский текст см.: ВПР. Т. VIII. Док. 231 (14 (26) сентября 1815 г.). С. 516–518. Об истории договора см.: ВПР. Т. VIII. Сноска 268. С. 692–693; ВПР. Т. VIII. Сноска 276. С. 695–697.

⁶⁷ Во французском тексте «справедливость, милосердие и мир» (фр. *de justice, de charité et de paix*). См.: ВПР. Т. VIII. Док. 231 (14 (26) сентября 1815 г.). С. 517.

⁶⁸ Во французском тексте «религия, мир и справедливость» (фр. *la religion, la paix et la justice*). См.: ВПР. Т. VIII. Док. 231 (14 (26) сентября 1815 г.). С. 517.

⁶⁹ С 5 февраля 1811 года и до смерти Георга III в январе 1820 года будущий король Георг IV правил как принц-регент и суверен де-факто. О присоединении к Священному союзу Дании и германских городов, таких как свободный город Бремен, см.: ВПР. Т. I (IX). Док. 192 (11 (23) августа 1817 г.). Рескрипт Александра I П. А. Николаи. С. 640–642; ВПР. Т. I (IX). Док. 201 (15 (27) сентября 1817 г.). Нессельроде Анстету. С. 673–674.

тельных прорывов до конца XVIII века [Скиннер 2018; Schneewind 1998; Hamburg 2016]⁷⁰. Даже когда элементы классической и народной культуры были инкорпорированы в императорский сценарий власти, православные предписания, происходящие из Средних веков, не сдавали позиций. Болезненный опыт 1812 года и военные кампании 1813–1814 годов еще сильнее укрепили христианские основы российской императорской власти. Акт от 14 (26) сентября 1815 года выражал религиозные чувства Александра I и ощущение непосредственного божественного присутствия через то, что сегодня можно было бы назвать духовным опытом в результате экзистенциального кризиса. К этому религиозному пылу добавлялись реалии русского управления, которое полагалось на личные взаимоотношения между правителями. В дипломатии персонифицированная политика превращалась в дружеские связи между государствами – дружба, которая также могла основываться и на действительных семейных связях⁷¹.

В возвышенном абстрактном языке Акта Священного союза нашли отражение аспекты христианской морали (вечные принципы, гармоничное единство и идеалы дружбы и семьи), просвещенный космополитизм и сентименталистская эмпатия. Язык Акта звучит знакомо историкам России XVIII – начала XIX века, так как он соответствует языку многочисленных законодательных актов, официальных прокламаций, полуофициальной литературы и журналистских сочинений. Для иностранного уха этот Акт, напротив, может звучать странным, неуместным или даже угрожающим, что, вероятно, стало причиной, по которой современная европейская историография часто его игнорирует или осуждает⁷². Император Александр осознавал наличие и возможность возникновения критики, что видно из его рескрипта посланникам и поверенному в делах в Европе от 22 марта (3 апреля) 1816 года, в котором он пытался развеять заблуждения вокруг цели Союза и направлял инструкции относительно того, как его следовало разъяснять зарубежным правителям, приглашенным к вступлению в Союз [Шильдер 2008]⁷³.

⁷⁰ О царствовании в России см. [Lenhoff, Kleimola 2010; Whittaker 2003; Wortman 2006].

⁷¹ Жена императора Александра I Елизавета Алексеевна была урожденной принцессой Луизой Баденской, а его любимая сестра Екатерина вышла замуж за наследного герцога Ольденбургского. Его мать Мария Федоровна была принцессой Вюртембергской.

⁷² А. Скед описывает Акт Священного союза как, вероятно, самый бессмысленный документ, причинивший беспокойство европейской дипломатии. Скед и другие неоднократно приводят неодобрительные отзывы современников об Акте как о «пустом и трескучем документе» (Меттерних) и как о документе «в высшей степени мистическом и глупом» (Каслри) [Sked 1979: 3–4]. П. Шредер, напротив, признает, что Меттерних, Каслри и Александр – все серьезно воспринимали роль и ценность нравственных принципов международной политики, и он справедливо утверждает, что идеалистический религиозный язык Александра не следует отмечать как мистическую бессмыслицу или прикрытые амбиции России [Schroeder 1994: 558–559]. О последних исследованиях, избегающих стереотипов и выделяющих европейский контекст, см. [Andreev 2018].

⁷³ Об ответе Александра I на иностранную критику см. его переписку с Каслри, Гарденбергом и папой Пием VII: ВПР. Т. I (IX). Док. 33 (21 марта (2 апреля) 1816 г.). Александр I Каслри. С. 108–113; ВПР. Т. I (IX). Док. 50 (22 апреля (4 мая) 1816 г.). Александр I Гарденбергу. С. 152–156; [Николай Михайлович 1912, 2: 210–214]. О позиции папы см. также: ВПР. Т. I (IX). Док. 39 (31 марта (12 апреля) 1816 г.). Нессельроде генерал-майору Ф. В. Тейлюфан-Сероскеркену. С. 133–134; ВПР. Т. I (IX). Док. 81 (23 августа (4 сентября) 1816 г.). Тейль-фан-Сероскеркен Нессельроде. С. 244–247; ВПР. Т. I (IX). Док. 127 (15 (27) января 1817 г.). Инструктивная записка посланнику в Риме А. Я. Италинскому. С. 401–407. Дипломатическая переписка касательно Османской империи и Священного союза см.: ВПР. Т. I (IX). Док. 41 (31 марта (12 апреля) 1816 г.). С. 135–137. Нессельроде посланнику в Константинополе Италинскому; ВПР. Т. I (IX). Док. 70 (10 (22) июля 1816 г.). Дополнительная инструкция [К. В. Нессельроде] посланнику в Константинополе Г. А. Строганову. С. 221–223. Дополнительная переписка касательно Священного союза см. также: ВПР. Т. I (IX). Док. 44 (7 (19) апреля 1816 г.). Нессельроде посланнику в Неаполе Г. Д. Мочениго. С. 140–142; ВПР. Т. I (IX). Док. 125 (10 (22) января 1817 г.). Нессельроде Анстету. С. 398–399; ВПР. Т. I (IX). Док. 126 (15 (27) января 1817 г.). Поверенный в делах в Швейцарии П. А. Крюденер Нессельроде. С. 400–401. Рескрипт см.: ВПР. Т. I (IX). Док. 34 (22 марта (3 апреля) 1816 г.). С. 113–117. Соответствующий рескрипт от 18 (30) марта 1816 года, разъясняющий принципы, лежащие в основе Священного союза (мир, гармония и любовь), и опровергающий обвинения в направленности Союза против нехристианских народов, см.: СИРИО. Т. 112. 1867–1916. С. 455–457; ВПР. Т. I (IX). Аннотация (18 (30) марта 1816 г.). Рескрипт Александра I Х. А. Ливену. С. 100; Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 15. Оп. 1. Док. 279. Документы Министерства иностранных дел, касающиеся отношений с Европой. Т. 11. С. 32–42; Циркулярные рескрипты, направленные полномочному министру в Париже, посланникам в Вене и Берлине (18 (30) марта 1816 г.); док. 284. О создании Священного союза. Л. 1–3об. Рескрипт Александра I Ливену (18 марта 1816 г.).

Александр описывал Акт Священного союза как залог единения и гармонии, ниспосланный свыше для борьбы с возобладавшем духом зла. В результате бедствий и полученного опыта последних лет монарх и его союзники стремились применить к гражданским и политическим отношениям спасительные принципы мира, согласия (*concorde*) и любви, которые являлись плодами христианской морали. Охранительные заповеди (*precepts conservateurs*), которые слишком долго были ограничены узкой сферой личных отношений, должны были теперь играть более активную и универсальную роль в политических соглашениях. Вследствие великих происшествий последних лет нужно было вернуться к принципам братства и любви – «подлинному роднику всякой гражданской свободы». Здесь, как и повсюду, миротворцы 1815 года видели эпоху Французской революции и Наполеоновских войн как период ужасной нравственной катастрофы. Священный союз, напротив, был направлен на сохранение мира и согласование всех нравственных интересов народов, которые Божественному провидению угодно было объединить под знаменем креста. В ответ на устойчивые страхи о геополитических намерениях России Александр настаивал на том, что этот Союз никак не был связан с завоеваниями. Применение военной силы также не позволило бы достичь целей этого Союза. На самом же деле, выражаемые Священным союзом чувства в равной степени отзывались и в нехристианах, хотя текущее мирное и счастливое существование христианских наций проистекало из их религии. Основываясь на принципах Священного союза, император Александр I, его братья по оружию и его союзники поддерживали внутреннее процветание каждого государства и стремились выстраивать неразрывную дружбу между государями, не зависящую от случайных обстоятельств.

Чтобы развеять опасения нехристианских держав, в частности Порты, и еще не присоединившихся европейских государств, Александр, казалось, был согласен полагаться на дипломатические маневры, производимые сообща с союзниками России, что означало мирную цель Союза. Александр утверждал, что Союз имел сугубо мирный характер, так как был основан на вере – вековая европейская история и история русско-турецких отношений могли бы оспорить это утверждение. Однако в 1816 году идеализм монарха оставался непоколебимым. С его точки зрения, в основу Акта от 14 (26) сентября, который не содержал ничего идущего вразрез с естественными отношениями между государствами и существующими договорами, легли охранительные и неизменные принципы (*principes conservateurs et immuables*). Прежние политические комбинации, оказавшиеся столь пагубными для покоя и благоденствия народов, более не учитывали эти принципы. Именно то, что новый союз опирался на христианские установки, делало его уникальным. Открытое признание этого факта всеми союзниками позволило их народам и всему человечеству войти в новую эпоху.

Император Александр I приказал зачитать Акт Священного союза 25 декабря во всех церквях Российской империи (согласно православному календарю XIX века в этот день праздновалось Рождество). Как объяснял Манифест, предыдущий курс развития политических отношений между европейскими державами привел к трагическим последствиям для всего мира – к этим последствиям привело отсутствие политических связей, основанных на истинных началах божественной мудрости. Горький опыт научил Александра I, Франца I и Фридриха-Вильгельма III тому, что лишь с помощью вечных принципов, прежде всего с помощью божественного принципа братства, можно обеспечить покой и благоденствие народов. В этой связи монархи приняли решение создать христианский союз и жить как братья, в мире и любви⁷⁴.

⁷⁴ См.: ПСЗ (I). Т. XXXIII. Док. 26045. Манифест о заключении Священного союза между Их Величествами Императорами Всероссийским и Австрийским и Королем Прусским. 25 декабря 1825 года (манифест от 25 декабря 1825 г.). С. 417 [Собрание Высочайших манифестов 1816].

В контексте России, Священный союз имел также более глубокое политико-религиозное значение, что отражено в выборе даты подписания Акта. В этот день, 14 (26) сентября, православные христиане празднуют Воздвижение Креста Господня. Воздвижение входит в число семи двенадцатых Господских праздников и обладает устойчивыми военными ассоциациями. Согласно праздничной минее, этот праздник больше связан с Крестом Господним и православной церковью, чем с самим распятием. Крест прославляется как «подающий победы над врагами» и как «оружие мира, непобедимая победа» (праздничный кондак) [The Festal Menaion 1998: 50]. Также важно, что Воздвижение рассматривается как всеобщий праздник, а это означает, что сила Креста действует на всю вселенную, и спасение, которое он приносит, влияет на все творения Божии. Во время праздничной службы на Воздвижение священник осеняет стороны света согласно читаемому на церемонии тропарю [The Festal Menaion 1998: 51]. Исторические ассоциации также возникают на праздничной службе. Повторяются отсылки к видению Креста, явленному под Константинополем в 312 году незадолго до победы над Максенцием. Кроме того, в этот день поминаются обретение Животворящего Креста матерью императора Константина Великого Еленой Равноапостольной и массовое преклонение перед Крестом, произошедшее в Иерусалиме после того, как его обнаружила Елена. Также этот праздник отмечает второе обретение Креста Господня в 629 году. В 614 году Персия заняла Иерусалим и захватила Крест, который был после возвращен императором Ираклием I (г. п. 610–641), а позднее перевезен в Константинополь и торжественно воздвигнут в соборе Святой Софии. Этот праздник отсылает еще и к событию, празднование которого в настоящее время происходит 13 сентября: освящение в 335 году в присутствии императора Константина Иерусалимского храма Воскресения Христова, заложенного на месте Гроба Господня [The Festal Menaion 1998: 41–42, 50–51]⁷⁵. Отсылка Акта Священного союза к нравственному стремлению народов быть объединенными Господом под знаменем Креста указывает на ассоциацию у русских с Воздвижением.

Что касается европейской политики в целом, Священный союз точнее всего будет описать как нравственный компонент Венских соглашений. Созданная в 1814–1815 годах доктрина мира и умиротворения определяла публичное право в Европе, а с точки зрения русской дипломатии Священный союз ставил печать морали на правовые договоренности. Текст Акта Священного союза не содержал ни слова о приемлемых формах правления. Миротворцы признавали, что разные государства имели различную политическую структуру, и, хотя принцип легитимности не требовал наличия чистой монархии, правительство должно было быть легитимным и должно было осуществлять правовые полномочия. Изменения установленного политического строя считались легитимными до тех пор, пока они проводились законными, а не насильственными или революционными способами. Отраженные в Акте от 14 (26) сентября 1815 года идеалистические взгляды Александра I связывали Союз с обновленным духом нравственности, основанным на христианском братстве, которое должно было обеспечить мир. Священный союз, который не был ни продуктом религиозного мистицизма, ни краеугольным камнем реакционной Реставрации, можно описать как комплекс средств по реализации масштабной политической стратегии или как систему гармонизации пересекающихся вселенных, основанную на религиозных и просвещенческих идеалах. Дипломатические переговоры, проведенные с целью убедить правителей присоединиться к Союзу и противодействовать предположительно ошибочной интерпретации Акта, указывали на то, что Священный союз предлагал больше, чем просто заявление о моральных и политических принципах, подкрепленное заверениями дружбы между правителями. Судя по переписке императора Александра и его дипломатических агентов, Союз также создавал механизм регулирования и поддержания мира в Европе.

⁷⁵ По вопросам литургического символизма вокруг Священного союза см. также [Андреев 2012; Андреев 2016: 123–154].

Могущество России и политические отношения в Европе

В процессе установления мира быстро стало понятно, что одно дело – договориться о принципах, другое – реализовать их на практике, какими бы священными и вечными они ни были⁷⁶. С самого начала роль Александра в решении польско-саксонского вопроса и формировании Священного союза создавала у союзников подозрения в отношении военной мощи России и объявленном отказе от территориальной экспансии. В ретроспективе принципы российской политики кажутся достаточно прямолинейными. Оправдывая свои действия и ставя под вопрос действия других, Александр настаивал на строгом соблюдении договоров 1814–1815 годов. Однако в большом мире европейской дипломатии внимания к договорным обязательствам было недостаточно, чтобы развеять недоверие союзников.

В разгар «Ста дней» Наполеона, 15 (27) мая 1815 года, в общей инструкции для дипломатических миссий появилось четкое заявление о намерениях России развеять опасения союзников⁷⁷. Эта инструкция описывала фундамент, на основании которого должны были развиваться политические отношения среди европейских держав. Государства, вступившие в европейскую систему, пользовались обоюдными привилегиями и связывались узами, основанными на первоначальных причинах, присущих любому гражданскому обществу, и на новых факторах, происходящих из текущих условий. Среди ключевых вех эпохи в инструкции указывались начало военных кампаний 1812–1813 годов; события, приведшие к заключению Парижского мирного договора; правила, установленные Венскими соглашениями; союз от 13 (25) марта 1815 года, обновивший прежние союзы, созданные для победы над Наполеоном; и в заключение последствия текущей войны, также против Наполеона. Определив эти события как политический фундамент европейской системы, инструкция подчеркнула две проблемы, требующие внимания: состояние европейской политической системы, включая ее отношение к политической системе России; и поведение министров императора Александра I, которые должны были действовать последовательно с целью укрепления мирных связей России с другими европейскими государствами.

Своим вторжением в Россию в 1812 году, как указано в инструкции, Наполеон попытался завершить порабощение всего мира. Испытывая моральную усталость, народы Европы казались готовыми принять неизбежность существования в условиях военной диктатуры Франции. Эта моральная деградация наложила на бесславие правителей, что подпитывало власть Наполеона. Хотя оппозиция периодически и возникала, ей не хватало сил, чтобы обрести всеобщий или решающий характер. Постепенно необходимые для победы над Наполеоном надежда и поддержка слились воедино благодаря твердости русского царя. Вдохновленные русскими военными успехами 1812 года, лучшие умы решились действовать против революции и фран-

⁷⁶ Территориальные споры и политические конфликты не улеглись после подписания Венских соглашений и Парижских мирных договоров. Все еще необходимо было обсудить и кодифицировать детали внутреннего управления в Германии, Италии, Польше и Скандинавии. Как показал краткий обзор ПСЗ, нет полной картины всех многочисленных договоров, конвенций и соглашений, подписанных Россией с другими государствами на протяжении этих лет. Архивные записи проливают свет на необходимость исследования следующих вопросов: делимитация прусско-польской границы, экономические отношения и договоры между Пруссией и Царством Польским, а также торговые связи и тарифная политика России. См. приведенные ранее черновики посланий, одобренные Александром. См. также: АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Док. 2991. Доклады. Л. 1–3об. Черновая депеша графу Д. А. Гурьеву, одобренная Александром (15 (27) января 1821 г.); л. 59об.–63. Черновая вербальная нота послу Великобритании Бэготу, одобренная Александром (2 июля 1821 г.); л. 68–68об. Черновая депеша барону Н. П. Николаи в Лондоне, одобренная Александром (2 июля 1821 г.); л. 75–80об. Черновая записка министру Швеции барону Н.-Ф. Пальмшерну, одобренная Александром (2 июля 1821 г.); л. 120–131. Черновая депеша графу Алопеусу, одобренная Александром (13 октября 1821 г.). Д. 2992. Доклады. Л. 83–87. Представленный Александру отчет о свободе торговли в городе Подгуже (3 февраля 1820 г.).

⁷⁷ РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 279. Л. 8–31об. Общая инструкция, разосланная во все дипломатические миссии Александром I из Вены (15 (27) мая 1815 г.).

цузской тирании. Порабощенные государства начали оказывать сопротивление и бороться за независимость. Основанный на общем опыте бесконечных лишений, этот дух распространялся от страны к стране, порождая желание применить военную силу и создать представительное или конституционное правительство. Другими словами, полученный опыт руководил европейскими государствами в их работе по реконструкции политической системы на прочном фундаменте.

Из опыта также стало понятно, что никакая человеческая сила не может остановить движение умов или вернуть их на прежний путь. Мышление изменилось. Для достижения стабильности правительствам нужно было проводить мудрую политику, соответствующую чаяниям народов. Им также нужно было поддерживать границы владений, организацию внутренних государственных институтов и взаимоотношения между державами, составлявшими великую европейскую семью. Здесь инструкция объясняла, как и почему текущая политическая система отличалась от старого политического равновесия, которое опиралось на воздействие на более слабые государства, расположенные среди более сильных. Так как годы войны истощили нравственные связи и подорвали внутренние основы, и так как влияние военной силы возросло, государства теперь зависели от владения значительными территориями для обеспечения внутренней стабильности. Кроме того, внутри каждого государства для внутреннего спокойствия было необходимо установление мудрых общественных установлений через конституционные акты. Например, Франция обладала обширными территориями согласно договору от 18 (30) мая 1814 года (первый Парижский договор); однако император Александр сомневался, что династия Бурбонов была в состоянии обеспечивать стабильность в Европе и счастье французского народа даже при поддержке других государств. Это могло получиться, только если бы народ поддержал реставрацию монархии.

В инструкции от 15 (27) мая 1815 года также уделялось внимание обеспокоенности вокруг избыточного могущества России – обеспокоенности, которую император Александр надеялся развеять через политику умеренности. Таким образом, российский монарх пытался отделить дипломатические решения от влияния военной силы, и эта позиция нашла свое отражение в заинтересованности монарха передать генеральному конгрессу задачу по европейской реставрации. В дальнейшем дипломатические резолюции должны были быть основаны на взаимной выгоде и святости прав, как это определял кодекс народов. Для обеспечения стабильности в Европе правительства всех государств нуждались в эффективных способах установления законной власти и достижения всеобщего доверия. Россия избегала использования военной силы для достижения желанного исхода по нерешенным вопросам: будущее бельгийских провинций, планы Британии на ее колонии и Мальту, территориальные границы и политическая организация Польши, конституционный порядок Германского союза и наделение территориями Австрии, Италии и Пруссии. Эта характеристика не противоречит действительности, хотя и остается неполной. В ноябре 1814 года, в разгар польско-саксонских споров, русский военный губернатор перевел Саксонию под юрисдикцию Пруссии. Александр, казалось, был готов начать войну⁷⁸.

Несмотря на постоянные подозрения и неразрешенные споры правительство России предполагало, что союзники все же намеревались выполнить обязательства, кодифицированные в соглашениях военного периода и в [первом] Парижском договоре. Также важно, что Венский конгресс должен был принять меры по укреплению политического равновесия среди всех европейских государств. Для достижения этой цели силы каждого государства должны были быть дополнены предпочтительно прилегающими территориями, чтобы обеспечить сохране-

---

⁷⁸ Подготовленная или нет, но потенциальная агрессия должна была оцениваться с учетом Венского секретного договора от 3 января 1815 года, заключенного между Австрией, Баварией, Британией, Францией, Ганновером, Гессен-Дармштадтом, Объединенным королевством Нидерландов и Сардинией против Пруссии и России.

ние его независимости и удержать любое государство от нарушения независимости других. Очевидно, что в этой формулировке отражалось видение Россией того, как Франция могла бы быть реинтегрирована в европейское сообщество. Любое государство, угрожающее миру, нарушая суверенность других, должно было встретить отпор объединенной Европы. Другими словами, любое государство-участник, нарушившее положения Заключительного акта Венского конгресса, считалось бы находящимся в состоянии войны против других государств-участников.

Описывая политические отношения внутри Европы, дипломатическая переписка при Русском дворе единогласно называет политику императора Александра умеренной, а его намерения чистыми. Например, монарх всегда ставит закон, благополучие своего народа и сохранение мира выше своих собственных желаний и даже выше жизненно важных интересов России. Эта политика происходит из его уверенности, что судьбой государств руководит Божье провидение. Изменение обстоятельств происходит по воле Бога, а не в результате усилий правителей. Таким образом, Александр не пошел на войну против тайного союза из-за польско-саксонского вопроса. Более того, он пошел на уступки Австрии и Британии, согласившись, что Османская империя могла бы быть включена в Заключительный акт, но только при условии, что переговоры по спорным положениям Бухарестского договора будут вестись с Портой в двустороннем порядке, без участия союзников⁷⁹.

На момент соглашения правительство России считало союз от 13 (25) марта 1815 года успешным и полагало, что окончательное лишение Наполеона трона неизбежно. Основываясь на достигнутых к этому моменту соглашениях, союзники надеялись вдохнуть в новую политическую систему былое уважение к «святости прав, пользе и нравственным узам». Постепенное следование этим принципам должно было обеспечить искоренение «пагубных правил, установленных в результате злоупотребления военной славой». Чтобы обеспечить признание преимуществ этого союза со стороны всех государств, император Александр предполагал, что союзники будут работать для достижения общей пользы, будь то путем применения военной силы или правовых предписаний. Опять-таки, ключом к российским формулировкам был французский вопрос. Силы союзников должны были ограничить свою военную деятельность войной против Бонапарта. Они не должны были использовать насилие, чтобы вынудить французский народ принять политический порядок, с которым он был бы не согласен, в том числе возвращение Людовика XVIII. Для династии Бурбонов было крайне важно, что правительство России настаивало на невозможности отделить благополучие Франции от благополучия Европы. Также важно, что правительства стран должны были прислушиваться к пожеланиям своих народов. Этот принцип встречался в многочисленных русских документах послевоенной эпохи, при этом он ни в коем случае не означал призыв к ведению демократичной политики или признание за народом права предъявления претензий (волю народов)⁸⁰. В этом случае целью Великого союза было установление во Франции правительства, навсегда свободного от Наполеона и его сторонников.

Для устранения наполеоновской угрозы европейскому порядку от союзников требовалось сделать гораздо больше, чем просто устранить Бонапарта. Необходимо было изменить настроения, которые позволили ему вернуться к власти и подталкивали людей к принятию революции. Этого можно было добиться не применением силы, а только просвещенной и великодушной политикой, уважающей свободу (*liberale*). Такие понятия, как «свобода» или «либеральность», которые нельзя трактовать в их современном демократическом смысле, несли достаточно простой посыл. Эффективная политическая власть зависела от благого управления, заслуживающего моральной поддержки народа и получающего ее. Действительно, кон-

---

⁷⁹ В итоге Османская империя осталась за рамками европейской системы.

⁸⁰ См.: Bayley C. A. «The Age of Revolution in Global Context: An Afterword» в [Armitage, Subrahmanyam 2010: 4851–4943].

цептуальная новизна восстановленного европейского порядка проявлялась в целенаправленном и эксплицитно выраженном внимании к нуждам и желаниям народа, хотя это не имело ничего общего с гражданскими правами, общей волей или народным суверенитетом.

Беспокойства России о последствиях еще одной войны и условиях, требуемых для успешного исхода, распространялись далеко за пределы проблемы политической власти во Франции. Разосланная инструкция заканчивалась повторным обращением к теме несправедливого и беспочвенного недоверия союзников к России, сохранявшегося вопреки тому, что Александр I вел курс на умеренность, усмирение, законность и проводил охранительные реформы. Заметное наращивание русской военно-политической мощи происходило из нравственных возможностей народа и представляло поэтому естественное расширение, а не стремление к новым землям⁸¹. Россия использовала свою мощь во благо других наций и ради их спасения. Правительство России не стремилось к верховенству, преимуществам или привилегиям в дипломатических процедурах. Император Александр понимал, что полученная благосклонность Божественного провидения и блестящие военные успехи русского народа вызывали подозрения. Искренне или нет, на протяжении следующих двух веков Россия преподносила свою мощь как нечто благое и заявляла о бескорыстности своих интересов.

Инструкция заканчивалась однозначным призывом к российским послам за границей. Их стремления должны были быть направлены на установление мирных отношений между Российской империей и европейскими государствами и на убеждение зарубежных правителей в чистоте намерений Александра. Принятие новой политической системы, основанной на единстве союзников, исключало создание сепаратных союзов. Как заключает П. Шредер, повесткой дня стало равновесие вместо вестфальского баланса сил. Однако в мае 1815 года казалось, что только Швеция и Пруссия сочли приверженность России делу мира убедительной. Чтобы подчеркнуть эту готовность к сближению, Александр проинструктировал своих посланников при всех европейских дворах демонстрировать открытость и дружелюбие по отношению к шведскому и прусскому министрам. Для усиления общего доверия к России они также должны были распространять правдивую информацию о ходе войны в посещаемых ими обществах. И наконец, российские дипломатические представители должны были обращать пристальное внимание на проводимые политику и действия дворов, при которых они были аккредитованы, и сообщать в Санкт-Петербург о том, каким образом текущие события влияли на политическую обстановку в тех государствах, где они служили.

Союзники продолжали испытывать недоверие к России на протяжении всего 1816 года и вплоть до лета 1817 года. В дипломатической переписке, в которую были вовлечены император Александр I, министр иностранных дел К. В. Нессельроде, министр иностранных дел и статс-секретарь И. А. Каподистрия, посол России в Лондоне Х. А. Ливен, российский посланник в Вене Г. О. Штакельберг и наместник Царства Польского Константин Павлович, отражены обеспокоенность по поводу целей политики Австрии и Британии и необходимость убедить союзников в мирных намерениях России⁸². В секретной депеше от 25 января (6 февраля) 1816 года, адресованной Нессельроде, Ливен сообщает о напряженности между Британией и Россией. Намекая на изменения в политике Британии, он подтверждает, что британское правительство хочет мира, хотя бы уже потому, что его в данный момент в первую очередь беспокоят внутренние проблемы⁸³. Лорд Каслри, возможно под воздействием Австрии, боялся

⁸¹ С точки зрения постколониальной философии упоминание морального превосходства в оправдание экспансионистской политики звучит как проявление открытого империализма, если не расизма.

⁸² Граф Карл фон Нессельроде [Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862)]; граф Иоанн Каподистрия [Иван Антонович Каподистрия (1776–1831)]; граф Кристоф фон Ливен [Христофор Андреевич Ливен (1774–1839)]; граф Густав фон Штакельберг [Густав Оттонович Штакельберг (1766–1850)]; великий князь Константин Павлович (1779–1831). Константин Павлович был наместником Царства Польского и главнокомандующим польской армией с 1815 по 1831 год.

⁸³ ВПР. Т. I (IX). Док. 17 (25 января (6 февраля) 1816 г.). Ливен Нессельроде. С. 63–68.

любых действий, которые могли бы потревожить покой в Европе, из-за чего казалось, что он с подозрением относился к России. Согласно Ливену, подозрения возникали из-за колоссальной силы империи, многочисленной армии, покрывшей себя славой, и предположительной склонности императора Александра к войне. И Каслри, и принц-регент подтверждали верность Британии Четверному союзу, который обязывал великие державы гарантировать мир и объединяться против любого союзника, угрожавшего европейскому порядку. Кроме того, оба представителя Великобритании настоятельно призывали Александра урегулировать отношения с Портой мирным путем и обещали во избежание дальнейших противостояний оказать помощь в переговорах с Константинополем.

Депеша Ливена также резюмировала его ответ лорду Каслри, в котором тот, в свою очередь, подчеркивал приверженность Александра делу мира, для достижения которого тот так много сделал. Разве мог создатель такого большого блага желать уничтожения собственного детища? Лорд Каслри и принц-регент отрицали наличие каких-либо подозрений о намерениях России, оба настаивали, что с глубочайшим уважением относятся к Александру и его усилиям по установлению устойчивого мира. Однако Ливен характеризовал правителя Британии как слабого духом человека, который, судя по всему, завидовал российскому монарху и талантам, приписываемым герцогу Веллингтону⁸⁴. К счастью, согласно тому, что писал Ливен, другие члены британского правительства не разделяли этих симпатий к Австрии и недоверия к России, демонстрируемых лордом Каслри и принцем-регентом, хотя и беспокоились о влиянии России на дворы Франции и Испании. Очевидно, что неопределенность и подозрительность сохранялись, однако казалось, что Каслри приветствовал любые доказательства приверженности Александра делу мира, включая, например, сообщения из Польши и заинтересованность монарха в реформировании внутренних институтов России. В заключение Ливен писал, что превыше всего британское правительство продолжало ценить мощь России и преимущества близкого и искреннего союза с империей.

В начале 1816 года причиной для усиления напряженности стала деятельность Австрии в Северной Италии, которую Россия также рассматривала как угрозу миру в Европе. Австрия пыталась путем переговоров с Сардинским королевством получить контроль над перевалом Симплон, который проходил через Верхнюю Новарию, в регионе Пьемонт. Однако при поддержке России король Сардинии отверг любые территориальные изменения, которые меняли положения Венских соглашений. В марте Нессельроде, ссылаясь на правовые обязательства, закрепленные в акте Четверного союза, указал российскому посланнику в Вене Г. О. Штакельбергу, что предложенные Австрией изменения территории угрожали создать новые союзы (*combinaisons*) и подорвать реставрацию французской монархии. Такой сценарий мог бы ослабить объединение государств, на которые возлагалась ответственность по поддержанию мира в Европе⁸⁵.

По мере реализации процесса умиротворения Европы и установления мира союзники изо всех сил пытались придерживаться неприкосновенности установленных принципов. Дабы убедиться, что Франция не представляет угрозы соседним государствам и не переживает внутренние потрясения, они настояли на бесплодности попыток обрести безопасность через альтернативные союзы. Нессельроде писал о необходимости сохранить нравственную силу Великого союза, тем самым имея в виду, что вступившие в Союз монархии должны ставить общий интерес обеспечения спокойствия в Европе превыше частных интересов. Другими словами, ни одна великая держава (такая как Австрия) не должна пытаться в ходе переговоров навязать свою волю более слабому государству (такому как Сардиния). Свое послание Нессель-

⁸⁴ Артур Уэсли, 1-й герцог Веллингтон (1769–1852).

⁸⁵ ВПР. Т. I (IX). Док. 30 (8 (20) марта 1816 г.). Нессельроде посланнику в Вене Г. О. Штакельбергу. С. 96–100. См. также: ВПР. Т. I (IX). Док. 22 (7 (19) февраля 1816 г.). Александр I Виктору-Эммануилу I. С. 80–81; ВПР. Т. I (IX). Док. 23 (13 (25) февраля 1816 г.). Нессельроде посланнику в Турине П. Б. Козловскому. С. 82–85.

роде завершил наставлением Штакельбергу во имя императора защищать при Венском дворе принципы общей системы. Очевидно, что император Александр видел в переговорах Австрии с королем Сардинии нарушение условий Четверного союза, и это мнение он выразил напрямую в ответ на инициативу императора Австрии Франца I. Уменьшение силы и единства Союза представляло угрозу миру в Европе и первостепенной задаче России: консолидации установленного в Европе порядка. Согласованность действий, основанная на соблюдении принципов, предоставляла лучший способ сохранения мира. Обращение Александра к Францу оказалось действенным, и в мае 1816 года Австрия отозвала свои притязания к Сардинскому королевству⁸⁶.

Строгое следование договорным положениям оставалось ключевым столпом внешней политики России, в то время как дипломаты работали над защитой интересов Российской империи и снижением уровня враждебности союзников. 31 января (12 февраля) 1817 года император Александр одобрил личное письмо Каподистрии Штакельбергу в ответ на личные письма, направленные Штакельбергом в декабре 1816 года⁸⁷. Согласно Каподистрии, правительство России полагало, что направленные против Пруссии и России сепаратные союзы, такие как секретный договор от января 1815 года, происходили из зависти союзников к военному могуществу и моральному влиянию Российской империи. В некоторых условиях эта зависть могла вести к агрессивной политике против России. Но какого бы мнения великие державы ни были о России и как бы ни стремились навредить ее интересам, Александр оставался верным тем неизменным принципам, на которых зиждилась внешняя политика России. Эта политика была нацелена на поддержание мира путем добуквенного исполнения договорных обязательств и, главным образом, Акта Священного союза, в котором Александр видел краеугольный камень восстановления Европы. К сожалению, эти нравственные нормы, проникнутые духом Евангелия, ничего не говорили сердцу союзных министров, которые в отличие от монархов – братьев Александра придерживались честолюбивой и в то же время малодушной политики⁸⁸.

Чтобы подчеркнуть приверженность Александра принципам мира и его стремление извлечь из него как можно больше блага, Каподистрия отмечал, что Россия была готова принять определенного уровня изоляцию и не обращать внимания на интриги Австрии и Британии. Таким образом, Александр не намеревался напрямую вмешиваться в вопросы, касающиеся Германского союза, до тех пор, пока австрийско-прусское сближение не заставило бы малые германские государства обратиться к Санкт-Петербургскому кабинету за помощью. Император также не видел ничего угрожающего ни в том, что Британия поддерживала Австрию в ее притязаниях в Италии и Иллирийских провинциях (на территории современной Черногории и севера Албании), ни в тесных связях Британии и Персии, даже несмотря на то, что эти отношения были созданы, чтобы препятствовать русской экспансии на восток⁸⁹. Оборонительные союзы не угрожали общему единству или непреложным принципам Венских и Парижских соглашений до тех пор, пока эти союзы не влияли на непосредственные интересы Российской империи или пока эти союзы не проявляли агрессии или враждебности в отношении России.

Необходимость разрешать опасения союзников относительно могущества России также приводила к тому, что дипломатические агенты Александра I были вынуждены участвовать в общественных дискуссиях. Как отмечал министр иностранных дел Каподистрия в письме Штакельбергу, из-за того, что древние и отжившие институты еще не были полностью заме-

⁸⁶ ВПР. Т. I (IX). Сноска 20. С. 682; РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 279. Л. 67–68об. Приложение к обзору от 5 (17) июня 1817 года о намерениях Австрии принять в состав Новарию и заключить сепаратный союз с Сардинией.

⁸⁷ ВПР. Т. I (IX). Док. 136 (31 января (12 февраля) 1817 г.). Личное письмо Каподистрии Штакельбергу. С. 450–453.

⁸⁸ Здесь Александр проводит границу между союзными министрами и своими братьями-монархами, воспринявшими чистую мораль проповеди.

⁸⁹ В 1809 году Наполеон аннексировал Иллирийские провинции Австрии [Lieven 2009].

нены новыми и прочными, общественное мнение играло беспрецедентно высокую роль в формировании политического и общественного порядка. Представление Каподистрии об общественном мнении никак не было связано с соревновательным политическим процессом или со свободными дебатами. Общественное мнение ассоциировалось с моральным авторитетом, основанным на справедливости и праве (*le bon droit*). В объединении справедливости и веры (*la bonne foi*) Божественное провидение создало охранительную и непреодолимую силу (*une force conservatrice*), способную победить любое государство, претендующее на господство над миром. Таким образом, поведение императора Александра гарантировало безопасность его империи, а человечество, в свою очередь, научилось избегать политических потрясений, возникавших из низменных страстей государственных деятелей.

В своем ответе на инструкции Каподистрии посланник Штакельберг подтвердил, что высочайший уровень престижа и военных способностей России вызывал беспокойство и зависть среди великих держав⁹⁰. Союзники, как он писал, не понимали ни того, что политика Александра имела религиозный и просвещенный характер, ни того, что он не стремился к расширению своей империи. Источниками беспокойства были как позиция России по Польше, так и ее переговоры с Османской империей. Кроме того, решение России по продаже военных кораблей Испании вызывало слухи о тайном русско-испанском союзе. Предположительно, в обмен на военную помощь в Северной и Южной Америке Испания была вынуждена согласиться уступить России остров Менорка, чтобы Россия могла швартовать корабли в Средиземном море. В итоге из-за интриг Австрии и фантомных страхов Британии о возможном выступлении России против британских сил в Ост-Индии (*les grandes Indes*) Штакельберг представлял возможным сценарий объединения Австрии и Пруссии в Германию (сценарий «германизма» (нем. *Deutschheit*)) против России.

Необходимость бороться с подозрениями о намерениях России и ее военного могущества сохранялась вплоть до весны и лета 1817 года. В сообщении от 1 (13) мая Ливен пишет о разговоре с лордом Каслри, в котором посол пытался успокоить страхи Британии⁹¹. Хотя английский министр иностранных дел признал, что недоброжелатели без устали пытаются провоцировать беспокойство, он тем не менее полагал, что сохранение русской армии в состоянии, как многие это видят, боевой готовности вызывает вопросы о мирных намерениях империи. Для европейских государств, сокративших численность своих армий, большая численность русских войск казалась противоречащей мирным заявлениям правительства. Ливен корректно пояснил, что особое формирование русской армии ограничивало возможность сократить ее численность в мирное время. Однако беспокойство Каслри распространялась не только на размеры вооруженных сил России. Министр иностранных дел Британии также полагал, что продолжавшиеся переговоры России и Порты об условиях Бухарестского мира 1812 года и более ранние соглашения давали возможность этим недоброжелателям обвинять Александра в подготовке завоевательных планов. В то же самое время Каслри признавал, что блестящая и бессмертная слава, которую монарх приобрел во время последних кампаний (против Наполеона в 1813–1814 годах), не стала бы больше из-за дополнительных завоеваний. Ливен, в свою очередь, заверил Каслри, что Александр, чьи намерения оставались чистыми и миролюбивыми, не намеревался вести военные действия против Оттоманской Порты. И действительно, готовность императора перейти к публичным переговорам с Портой предоставляла доказательство его стремления к миру, даже несмотря на то, что претензии России к Оттоманской Порте были справедливыми и умеренными. В последующие десятилетия, по крайней мере до Крымской войны 1853–1856 годов, разрушившей единство союзников, достигнутое в 1813–

⁹⁰ ВПР. Т. I (IX). Док. 146 (9 (21) марта 1817 г.). Личное письмо Штакельберга Каподистрии. С. 487–490; Док. 220. С. 740–741. Также см. доклады французского посла в России графа Ла Ферроне: СИРИО. Т. 127.

⁹¹ ВПР. Т. I (IX). Док. 166 (1 (13) мая 1817 г.). Ливен Нессельроде. С. 537–542.

1818 годах, Россия продолжала настаивать на том, что ее требования и последующие решения о начале войны происходили из нарушений признанных договоров со стороны Порты.

Еще один вопрос, обсуждавшийся на встречах Ливена и Каслри, касался связей России и Испании, в частности личных отношений между посланником в Мадриде Д. П. Татищевым и испанским королем Фердинандом VII. Как ранее в том же году сообщал Штакельберг, подозрения о секретных соглашениях между Россией и Испанией распространились по Европе. Ливен объяснил Каслри, что у Татищева не было никакого особого влияния на короля Испании и что нет ничего необычного, что дипломатический представитель получает свободный доступ к государю, при дворе которого он аккредитован. Однако на протяжении нескольких лет непосредственно после Венского конгресса все союзники боялись создания секретных и сепаратных союзов. В то же самое время они также понимали, что мир в Европе зависел от поддержания союза, сделавшего возможной победу над Наполеоном. По этой причине союз сохранялся, хотя продолжительное недоверие влияло на дипломатическое мышление России и ее союзников.

В послании Ливену, отправленном 10 (22) июня 1817 года, Нессельроде упомянул про зависть и недоверие, вызывающие беспокойство в правительстве Британии⁹². Одобренное императором Александром послание декларировало желание монарха развеять страхи Британии, не нанеся при этом урона легитимности или достоинству ни одной из корон, включая собственную. Нессельроде хвалил Ливена за его объяснения, данные лорду Каслри в связи с испанскими делами, отношениями с Портой и Персией и с военным положением России. Нессельроде признал, что Испания пыталась улучшить свое положение за счет союза с Россией, несмотря на то что при каждом упоминании этого Александр направлял короля искать содействия у Великого союза через посредничество Англии. Чтобы подкрепить эти аргументы и подготовить Ливена к его разговорам с Каслри, министр иностранных дел России переслал ему копии депеш, направленных Татищеву. Эти переговоры, как заявлял Нессельроде, доказывали, что политика России была основана не на частных или временных соображениях, а на нерушимых принципах.

Взаимодействия с Францией также приводили к решительным заявлениям о поддержке принципов и предписаний союзнических соглашений. В послании от 21 марта (2 апреля) 1817 года, одобренном императором Александром, Каподистрия писал великому князю Константину Павловичу об официальном обращении к союзникам, подтверждавшем твердое и незыблемое мнение России относительно всех союзов (*combinaisons*), направленных на подрыв «политического и общественного порядка, установленного венскими и парижскими договорами 1815 г.»⁹³. Послание Каподистрии, причиной которого были замыслы французских эмигрантов, стремившихся заменить короля из династии Бурбонов представителем русской царской семьи или принцем Оранским, указывало на двух беженцев-республиканцев, проживавших в Варшаве, которым следовало предоставить защиту лишь до тех пор, пока они не нарушали общественный порядок⁹⁴. Каподистрия просил великого князя Константина Павловича объяснить основы российской политики искавшим его поддержки беженцам. Доктрина общего умиротворения в Европе основывалась на торжественных, священных и нерушимых обязательствах. Порядок правления, установленный во Франции в 1815 году и «скрепленный кровью двух поколений», был по форме строем монархическим и конституционным. Также важно, что все европейские державы были обязаны уважать и заставить уважать этот порядок, что зависело от принципов религии и справедливости. Более того, ни одно правительство не могло отклониться от этих принципов, не подвергнув опасности собственное существование.

⁹² ВПР. Т. I (IX). Док. 184 (10 (22) июня 1817 г.). Нессельроде Ливену. С. 591–595.

⁹³ ВПР. Т. I (IX). Док. 151 (21 марта (2 апреля) 1817 г.). Каподистрия великому князю Константину Павловичу. С. 502–506.

⁹⁴ ВПР. Т. I (IX). Аннотация (17 (29) марта 1817 г.). Записка Министерства иностранных дел, служащая инструкцией посланникам в Вене, Мадриде, Брюсселе, Стокгольме, полномочному министру в Париже и послу в Лондоне. С. 502. Сноска 230. С. 743.

Таким образом, и в интересах Франции, и в интересах всех остальных европейских государств было нужно сохранять текущую систему и выступать против новых потрясений, подрывающих уже сложившиеся между государствами связи. Одним словом, нарушение существующих общественных и политических договоров могло лишь породить дух завоеваний и крамолы, который угрожал бы спокойствию и независимости европейских держав.

Хотя император Александр был мало уверен в Бурбонах, послание Каподистрии выражало точку зрения, что Франция наконец встала на путь возвращения себе почетного статуса великой державы, отведенного ей природой. Очевидно, что российский монарх выступал против попыток сместить Бурбонов с трона. Было необходимо поддерживать текущее правительство, потому что его действия представляли собой лучшие шаги по борьбе с врагами мира. Национальное представительство, сокращение оккупационной армии и урегулирование требований частных лиц (*poursuites*) в адрес правительства Франции демонстрировали прогресс во французской династии. Опять-таки, Каподистрия подчеркивал, что установленный во Франции порядок необходимо было уважать и что Александр был готов сотрудничать со всеми государствами, чтобы «содействовать сохранению прав, освященных договорами», будь то от внутренних действий или от внешних сил. Российский монарх оставался полностью верен делу сохранения справедливых и спасительных принципов, обеспечивавших всеобщее спокойствие. Только безотступное следование установленным договорным положениям могло обеспечить необходимые для развития благосостояния народов условия. В глазах русских дипломатов, эти положения содержали обязательства двоякого рода: одни – между государствами, другие – между правительствами и народами, устанавливавшие благотворную взаимность обязанностей. «Здание мира – гроза для злокозненных партий, скала, о которую разбивается любая ложная политика», – зиждилось на этих основах. До тех пор пока эти отношения взаимной обязанности продолжали функционировать, согласно Каподистрии, Франции было нечего бояться, а Европа наслаждалась бы спокойствием. Со своей стороны, Александр использовал бы все дарованные ему Божественным провидением средства, чтобы защитить существующие отношения от всякого, кто вздумал бы на них посягнуть. Договоры 1814–1815 годов сформировали не только публичное право Европы, но и священный закон всеобщего мира.

В течение периода с 1816 по 1817 год ни политическая нестабильность во Франции, ни напряженность в отношениях России с Австрией и Британией не угрожали правовым основам европейского порядка. Все государства верили, что необходимо уважать принятые положения. Подозрения и различия в толковании возникали, но эта неопределенность не ослабляла общей приверженности мирному урегулированию или политического устройства какой-либо отдельной страны. В июне 1817 года, чтобы убедиться, что русские дипломаты поняли принципы царской политики и могли объяснить, как правительство применяет их в конкретных ситуациях, император Александр выслал дополнительные инструкции русским миссиям за границей в форме обзора (*aperçu*) политических отношений России в Европе⁹⁵. Император ожидал, что его дипломатические агенты будут в состоянии рассматривать все возникающие вопросы исходя из единой точки зрения и продвигать политику России, используя единые формулировки и единую линию поведения. Рассылая этот обзор, Министерство иностранных дел России стремилось предоставить официальным представителям империи оптимальные инструкции.

Чтобы укрепить уверенность второстепенных государств и снять беспокойство, приводящее к подозрительности великих держав, император Александр начал инструкции с указания на то, что текущую политику создал не он. Напротив, политика или система, возникшая из «духа и буквы венских и парижских договоров», сформировалась в 1815 году.

⁹⁵ СИРИО. Т. 119. С. 239–248. ВПР. Т. I (IX). Аннотация (2 (14) июня 1817 г.). С. 578. Русская версия от 5 (17) июня 1817 г. с сопроводительными документами см.: РГАДА. Ф. 15. Оп. I. Док. 279. Л. 43–103об.

Сохранение неприкосновенности этих актов – цель, в достижение которой также внесли свой вклад все европейские державы, – оставалось единственной задачей российской политики. В основе целеполагания союзников лежали как нравственные, так и политические причины. Нравственные причины были высечены в просвещенном и чистом сознании каждого разумного человека, ставшего свидетелем чрезвычайных событий революционного периода, включая события, которыми эта эпоха закончилась. Политические причины совпадали с самыми существенными интересами европейских государств и их правительств, особенно те, что были восстановлены и вновь заявлены в Венских и Парижских соглашениях. Император Александр все еще не верил, что европейские государства преуспели в самовосстановлении на прочном и естественном фундаменте. Те, что возникли из затяжного революционного кризиса, все еще находились в поиске своего направления. Иные избежали прямых действий, но все еще сохраняли боевую стойку. Кроме того, всем требовалось, на основе различных положений, выполнить трудное слияние новых интересов со старыми привычками и новых привычек со старыми интересами.

«У государств есть возраст, как и у людей», – говорилось в обзоре. Текущие правительства не могли защитить «утешительный образ семьи, в которой порядок и покой присущи самому ее существованию, а мир в семье совсем не новинка и не является предметом обсуждения или проблемой, которую нужно решить». Здесь казалось, что император Александр признавал нестабильность современных политических отношений. Однако спорные политики вызывали у него беспокойство, и он настаивал на том, что российские условия отличались от условий, существующих в европейских государствах. Для выживания всем государствам необходим покой: Россия наслаждалась спокойствием, но в то же время не боялась движения. В сравнении с другими государствами Россия была молода и полна жизни. Молодой силе нужно было действовать, однако Россия оставалась миролюбивой. Это позволяло Александру делать вывод о том, что мирная политика империи была добровольной, в то время как другие государства принуждались к ней обстоятельствами. Это различие объясняло подозрения, вызванные господством России в политическом порядке Европы, – подозрения, которые Александр надеялся развеять, продемонстрировав пример своего поведения. Вне зависимости от обстоятельств, связанных с той или иной державой, Российская империя будет строить со всеми мирные, дружеские и душевные отношения по принципу, форме и цели. Правительство Российской империи не только провозгласило эту доктрину, но и осуществило ее на практике. Император Александр добросовестно исполнил свои обязательства перед всеми государствами, присоединившимися к миру. Также важно, что, исключив из обсуждения российские интересы в Османской и Персидской империях, император показал миру, что ни сила оружия, ни сила убеждения не могли ничего добавить к праву (*le bon droit*).

После разъяснения принципов царской политики этот обзор переходил к описанию ее применения и результатов. Продолжавшиеся переговоры между правительствами Австрии, Британии, Пруссии и России в первую очередь рассматривали реализацию отдельных положений Венских и Парижских соглашений. Содержание этих обсуждений охватывало консолидацию престолов, поставленную под гарантии легитимности; политическое и территориальное признание Германии; отмену работорговли; изгнание Берберских пиратов из Средиземного моря; присоединение Испании к Заключительному акту Венского конгресса; и в заключение разногласия, угрожавшие осложнить отношения Испании с Объединенным королевством Португалии и Бразилии⁹⁶. Русским дипломатам Александр приказал воздержаться в беседах по этим вопросам от того, чтобы первыми выражать свое мнение, заявлять о своем решении или голосовать. Кроме того, применяемые формулировки должны были быть ясными, коррект-

⁹⁶ В 1808 году королевская семья Португалии переехала в Рио-де-Жанейро, а в 1822 году Бразилия объявила независимость.

ными, открытыми, умеренными, дружелюбными, доброжелательными и верными тексту договоров. Благодаря справедливости, доброжелательности и умеренности Российская империя находилась в состоянии всестороннего превосходства, которому не могла навредить зависть. Причины тому не зависели от России: они происходили из природы текущих договоренностей и из духа времени.

Венские и Парижские соглашения создали Всемирный союз, направленный на поддержание текущих территориальных владений стран-участниц. Вступившие в этот союз правительства были объединены общими интересами, основанными на этих соглашениях, что означало, что они обязались прислушиваться друг к другу ради достижения взаимного соглашения по всем актуальным вопросам. В этом и заключалась первоочередная задача конференций, проведенных во Франкфурте, Лондоне и Париже, – решить вопросы, вызывавшие беспокойство у всех европейских правительств. Занимая позицию, основанную на законе и направленную на достижение всеобщего блага, Россия поддерживала стороны, заинтересованные в беспристрастном правосудии, и объединяла голоса второстепенных государств с общественным мнением, что представляло значимый вес в политическом балансе. Правдивость, открытость и точность инструкций Александра его министрам помогли обеспечить достижение этого результата.

Следующий раздел этого обзора переходил от общих рассуждений к описанию того, как принципы российской политики применялись в конкретных ситуациях. Попытки Австрии завершить свою федеральную политику в Италии, предложив королю Сардинии вступить в союз и провести территориальные изменения, грубо нарушали существующие договоры. Однако после того, как император Александр объяснил это своему августейшему союзнику императору Францу, Австрия отказалась от этих планов. Основываясь на Мюнхенском договоре (2 (14) апреля 1816 года), Австрия также требовала от России согласия гарантировать включение района Майн-Таубер в Баварию. Однако этот договор не предусматривал компенсации Великому герцогству Баден, поэтому Россия отказалась принимать эти условия. В результате Великое герцогство Баден вновь получило контроль над этими территориями, сохраняя за собой право уступить их в текущих переговорах. В итоге Австрия предложила союзникам вынудить Испанию принять Заключительный акт Венского конгресса, угрожая отказать Марии-Луизе в территориях, данных ей тем же самым договором. Союзники противились этому предложению, и в переговорах по возвращению на трон Марии-Луизы и ее сына европейские державы вернулись к условиям близкой дружбы с Испанией⁹⁷.

В ходе дипломатических переговоров 1816–1817 годов Россия не ослабляла своей решимости действовать сообща с союзниками ради соблюдения условий Венских и Парижских соглашений. Как было указано в обзоре, отношения с Испанией подчеркивали эту приверженность. Хотя Испания хотела передать вопрос собственной безопасности под протекторат России, российские дипломаты настоятельно призывали правительство Испании работать в рамках условий Великого союза и принять Британию в качестве посредника. В своей позиции по отмене работоторговли Россия также продемонстрировала приверженность закону. В то же время Британия, как представляется, нарушала европейские правовые договоренности, выходя за рамки согласованных положений по отмене работоторговли. Взывая к авторитету объединенных союзных сил, Британия хотела принудить Португалию и Испанию принять условия

⁹⁷ На основании Заключительного акта Венского конгресса герцогства Парма, Пьяченца и Гвасталла переходили к жене Наполеона Марии-Луизе Австрийской и ее потомкам. Британия и Франция поддержали требования Испании, согласно которым после смерти эрцгерцогини Марии-Луизы эти территории должны были отойти инфанте Марии-Луизе, дочери короля Испании Карла IV, ее сыну Карлу Людовику и его прямым потомкам по мужской линии. В Генеральном акте Франкфуртской территориальной комиссии (8 (20) июля 1819 г.) союзники окончательно сформулировали линию наследования, за исключением округов, лежащих на левом берегу реки По, признанных австрийскими владениями. Кроме того, после смерти эрцгерцогини Княжество (затем Герцогство) Лукка должно было перейти к Великому герцогству Тосканскому. См.: РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Док. 279. Л. 69–73об. Приложение к обзору от 5 (17) июня 1817 года по вопросам, касающимся Баденского двора.

отмены. Кроме того, правительство Британии надеялось перевести все морские отношения между европейскими государствами под централизованное управление, организованное и контролируемое в Лондоне. На момент создания обзора это предложение обсуждалось на Посольской конференции в Лондоне.

Консолидация легитимной и конституционной монархии во Франции представляла еще одну цель, требующую внимания европейских правительств. Но все ли государства оставались в равной степени беспристрастны? По общему согласию союзники приказали сократить размер размещенных во Франции оккупационных сил. Однако возникла проблема, требующая всеобщего внимания: поведение французских беженцев и изгнанников, которые все еще представляли угрозу для французской реставрации. В ответ на большое количество беженцев, собравшихся в Бельгии, российский император отправил генерала А. И. Чернышева со специальной миссией в Брюссель. Кроме того, Парижской конференции, на которой были представлены все государства-союзники, было приказано разработать общий подход по донесению этой проблемы до короля Нидерландов. Согласно рескрипту Александра I для А. И. Чернышева от 21 апреля (3 мая) 1817 года, целью его миссии было убедить принца Оранского отказаться от поддержки французских эмигрантов, планировавших свержение династии Бурбонов. В соответствии с этим предписанием Россия была готова применить военную силу для предотвращения любых нарушений обязательств союзнических держав в отношении Франции⁹⁸.

Этот обзор также содержал обвинения в адрес Австрии, Британии и Пруссии, что они сообща действовали против России в немецких вопросах и делах, касавшихся отношений Российской империи с Портой и Персией, несмотря на верность Александра Венским и Парижским соглашениям. Союзники неоднократно пытались вмешиваться в восточные отношения России и стремились изолировать Российскую империю от Европы, объединив и вооружив Германию против России. Вопреки всему император России отказывался применять запрещенные тактики в ответ на дипломатические маневры союзников. Вместо этого он ожидал, что русские дипломаты останутся непредвзятыми наблюдателями во всех связанных с Германией вопросах. Согласно договорам, Россия обязана была воздерживаться от каких-либо действий, и российский монарх намеревался выполнить эти обязательства с добуквенной точностью. В то же самое время отношения России с правительствами Османской империи и Персии, которые регулировались отдельными двусторонними договорами, не могли быть объектом иностранного вмешательства. Как и Индия, эти страны лежали вне европейского круга влияния.

Отношения же между Португалией и Испанией, в свою очередь, не выходили за рамки общеевропейских интересов. Таким образом, когда войска короля Португалии вторглись в провинции Ла-Плата, Испания обратилась к европейским государствам с просьбой о коллективной интервенции. Перспективы союзных действий в Южной Америке и других регионах оставались темой для обсуждения на всем протяжении периода с 1815 по 1822 год. Согласно обзору, Британия рассчитывала быть единственным посредником между Португалией и Испанией, а Австрия настоятельно призывала Россию принять этот порядок. Однако Россия уже дала прямой ответ Испании, что делало маневры Австрии неуместными. Также важно, что, согласно правительству России, только согласованные действия Посольской конференции в Париже могли придать европейской интервенции характер величественного и объективно необходимого успеха. Другими словами, вмешательство в отношения между Португалией и Испанией должно было оставаться общим европейским вопросом.

Другая ситуация, вокруг которой возникали вопросы о вмешательстве, касалась Кильского договора, заключенного между Швецией и Данией в январе 1814 года. Австрия пригласила императора Александра действовать сообща, чтобы гарантировать договор, по которому

⁹⁸ Александр Иванович Чернышев (1785–1857) исполнял обязанности военного министра с 1832 по 1852 год. ВПР. Т. I (IX). Аннотация (21 апреля (3 мая) 1817 г.). Рескрипт Александра I генерал-лейтенанту А. И. Чернышову. С. 526.

Дания уступала Норвегию Швеции в обмен на шведскую Померанию и Рюген. В июне 1815 года в рамках Венских соглашений Норвегия перешла под шведское правление, а Дания получила герцогство Лауэнбургское в обмен на Шведскую Померанию, которую Пруссия затем выкупила у Швеции [Simms 2013: 168, 181–188; Schroeder 1994: 487–488, 572–578, 766–777]. Александр признал эти условия, но заявил, что у союзников не было права вмешиваться в датско-шведский спор. Его также не удалось убедить, что Швеция не смогла бы выполнить свои обязательства по условиям Кильского мирного договора⁹⁹. Российский монарх приходил, таким образом, к заключению, что дворы Копенгагена и Стокгольма должны продолжить переговоры без коллективного участия союзников.

После рассмотрения споров, занимавших дипломатов с 1815 года, в обзоре высказывалась похвала политике России за ее правдивость и практичность. В продолжение император Александр проинструктировал своих агентов при иностранных дворах строго придерживаться его политики. Этот обзор предупреждал, что все взгляды прикованы к представителям России, которые в данный момент находились под наблюдением. Их действия и бездействие, слова и молчание, личные связи и семейные отношения – все было предметом наблюдения. Это наблюдение было болезненным, однако его можно было нейтрализовать, как только наблюдающие убедились бы в бесполезности своей работы, своих расходов и своего беспокойства. В этой связи последняя часть обзора описывала принципы поведения, которых дипломатическим агентам Александра следовало придерживаться. Первым правилом поведения была инертность, что означало, что дипломаты не должны были преследовать никаких политических целей, кроме как исполнения существующих договоренностей. Исходя из того, что все государства были в равной степени заинтересованы в поддержании нерушимости договоров, русские дипломаты должны были оставаться абсолютно инертными. Любое активное или обеспокоенное отношение к Всеобщему союзу – который был основан на Заключительном акте Венского конгресса, санкционирован Парижским мирным договором от 8 (20) ноября и освящен Актом Священного союза от 14 (26) сентября – противоречило российской политике. Любая деятельность (*activité*) царских дипломатов должна была посылать сигнал только об инертной и пассивной позиции правительства.

Было крайне важно, как объяснялось в этом обзоре, чтобы дипломаты Российской империи избегали каких-либо действий, прямых или косвенных, способных вызвать подозрения. Если возникали подозрения, чиновники должны были отвечать спокойно и терпеливо, не выходя за рамки законных положений. Целью этих условий было укрепить доверие и показать европейским правителям, желающим раскрыть секрет политики императора Александра, что никакого секрета не было. По этой причине правительственная дипломатическая переписка велась настолько открыто, насколько это было возможно, чтобы доклады о действиях России, содержащиеся в архивах, могли быть открыты «публике по доброй воле, без сожалений, без стыда». Еще одним способом предотвратить недоверие была публикация общих представлений, основанных на правовых актах, которые затем можно было бы применять к конкретным ситуациям по мере их возникновения. В марте 1816 года в конфиденциальной записке, отвечая на инициативы Баварии, император Александр затронул ряд вопросов, касающихся отношений между Германским союзом и негерманскими государствами. В последовавших обсуждениях с Австрией, Британией и Пруссией оказалось, что изложенные в этой записке размышления были верны. Причина состояла в том, что в своем ответе Мюнхенскому двору правительство России не высказывало мнение как таковое. Вместо этого записка подтверждала текст Заключительного акта Венского конгресса и пересказывала то, что произошло на конгрессе. В этих

---

⁹⁹ Участие союзников возобновилось в 1818 году во время переговоров об ответственности Швеции по долгам Норвегии. Союзники согласились, что Швеция должна признавать долги Норвегии в соответствии со статьей VI Кильского мирного договора.

и других переговорах российские представители пытались подойти к обсуждаемому вопросу с общей точки зрения, насколько это было возможно, что привлекало пристальное внимание стран-участниц.

Как указывалось в обзоре, поведение царских дипломатов должно было быть лишено гордыни и личной выгоды. Чтобы не допустить превращения дипломатической миссии в центр слияния для российских политических союзов, каждому послу, министру и дипломатическому агенту было приказано следовать представленным в обзоре принципам в отношении доверенной ему монархом службы. Наблюдая за развитием событий в соответствующей юрисдикции, сообщая об этом и выполняя полученные приказы, русские миссии выполняли простую задачу: «...сохранить [*conserver*] на основе существующих соглашений самые дружественные отношения со дворами, к которым они приписаны», и обеспечить, чтобы эти дворы поступили аналогичным образом в отношении России и других европейских держав. Посредством изложенной в обзоре политики и благодаря своим чистым намерениям и правильному поведению император Александр надеялся обеспечить долгие годы мира и процветания в своем государстве и внести вклад в достижение этого по всей Европе.

В действительности, как признавалось в обзоре, договоры, составляющие Венские соглашения, представляли частные интересы и создавали риск возврата государств к старым политическим отношениям и сепаратным союзам, что уже привело ко множеству ужасающих конфликтов. Поэтому именно восстановленный дух нравственности, основанный на христианских принципах, должен был сохранить единство союзников и обеспечить мир в Европе. По этой причине доктрина умиротворения и мира, закреплённая Венскими и Парижскими соглашениями, предусматривала как правовые, так и нравственные способы урегулирования. Хотя большое количество правовых вопросов оставались предметом обсуждения и их еще предстояло решить в ходе текущих и будущих переговоров, нравственный путь урегулирования позволил российским дипломатам и царю-дипломату продолжать свою работу на фоне хронической нестабильности и постоянного недоверия, веря в результативность своих трудов и возможность достижения прочного мира. Без такой надежды и доброй доли идеализма для ее поддержания переход народов от деструктивных войн к продуктивной миротворческой деятельности был бы невозможен.

Глава 2

Окончательное формирование Всеобщего союза (1817–1820)

В 1818 году, когда члены Четверного союза провели конгресс в Аахене, они пришли к соглашению по ключевым правовым принципам европейского порядка. Подписанные на Аахенском конгрессе дипломатические соглашения дополняли соглашения и договоры, начало которым было положено в Вене и Париже, восстанавливая Францию в ее естественном статусе великой европейской державы. С 1814 года было достигнуто многое, и надежды были велики. Даже несмотря на то что французская монархия вернулась в европейское общество в качестве полноправного члена, и во Франции, и в Германском союзе сохранилась политическая неопределенность¹⁰⁰. В число других неразрешенных вопросов, требовавших внимания союзников, входили механизмы списания французских долгов и разрешения частных исков в адрес правительства Франции, иски Франции в адрес иностранных комиссаров (*commissaires*), а также иски французских граждан к правительствам других государств. В разрешении нуждались также территориальные и финансовые споры между германскими правителями, в частности, спор между Королевством Бавария и Великим герцогством Баден, и возникшие из Кильских мирных договоров (1814 год) разногласия между Швецией и Данией. Продолжало вызывать общую обеспокоенность нахождение Наполеона Бонапарта в статусе пленника, все еще представлявшее потенциальную военную опасность, в то время как Британию и Германию в значительной степени затрагивал вопрос о правах евреев и реформе еврейского образа жизни. Наконец, на повестке дня оставались работорговля, законная и незаконная, угрозы миру и торговле в Европе со стороны Берберских государств, технически находящихся под протекторатом Порты, но признаваемых в Европе пиратами. В протоколах состоявшихся осенью 1818 года (с 29 сентября по 21 ноября) в Аахене конференций союзники рассмотрели все эти вопросы¹⁰¹.

К моменту встречи всех союзников уже возникли разногласия по организации и обязательствам кодифицированного международного порядка, включая правовые полномочия самого конгресса. Британское правительство выступало за узкие рамки встречи на основании статьи V второго Парижского договора, предусматривавшей возможность пересмотра союзных

¹⁰⁰ Документы этой эпохи наполнены отсылками на естественный статус Франции как великой европейской державы. См., напр.: ВПР. Т. I (IX). Аннотация (9 (21) июня 1817 г.). Каподистрия Ришелье. С. 591; СИРИО. Т. 119. Док. 119 (9 (21) июня 1817 г.). Каподистрия Ришелье. С. 255–257. До, во время и после Аахенского конгресса легализация статуса Франции казалась неотложным вопросом и, кроме того, лучшим способом укрепления политической стабильности страны, что продолжало вызывать серьезное беспокойство среди союзников. ВПР. Т. II (X). Док. 113 (6 (18) мая 1818 г.). Ливен Каподистрии. С. 367–370; док. 149 (не ранее 16 (28) сентября 1818 г.). Записка Александра I российским уполномоченным на Аахенском конгрессе. С. 503; док. 165 (3 (15) ноября 1818 г.). С. 570–574. Общая циркулярная инструкция Министерства иностранных дел всем российским дипломатическим миссиям; аннотация (9 (21) ноября 1818 г.). Циркулярный рескрипт Александра I всем дипломатическим представителям России за границей. С. 584; аннотация (13 (25) декабря 1818 г.). Каподистрия К. О. Поццо-диБорго. С. 611; док. 180 (19 (31) декабря 1818 г.). Записка статс-секретаря И. А. Каподистрии. С. 611–625; аннотация (25 января (6 февраля) 1819 г.). Александр I Ришелье. С. 646; док. 187 (25 января (6 февраля) 1819 г.). Циркулярная депеша Нессельроде российским дипломатическим представителям за границей. С. 647–649; док. 198 (16 (28) февраля 1819 г.). Головкин Нессельроде. С. 691–698; док. 199 (17 февраля (1 марта) 1819 г.). Головкин Нессельроде. С. 698–701; аннотация (25 февраля (9 марта) 1819 г.). Поццо-ди-Борго Нессельроде. С. 701; док. 205 (31 марта (12 апреля) 1819 г.). Нессельроде послу в Лондоне Х. А. Ливену и посланнику в Берлине Д. М. Алопеусу. С. 712–717; ВПР. Т. III (XI). Док. 56 (22 ноября (4 декабря) 1819 г.). Памятная записка Российского кабинета правительствам Австрии, Великобритании и Пруссии. С. 166–172; РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Док. 279. Документы Министерства иностранных дел о дипломатических отношениях с европейскими государствами. Л. 104–270об. Записка о расчетах и выплатах долгов Франции поданным других держав, одобренная императором (23 октября 1817 г.); док. 284. Об учреждении Священного союза. Л. 13–26. Общая циркулярная инструкция всем российским миссиям, разосланная из Аахена (3 (15) ноября 1818 г.); док. 279. Л. 128–143. Русская версия.

¹⁰¹ Подробный анализ см. в [Duchhardt 1818].

отношений с Францией три года спустя. Вторым источником, на который, как сообщается, предпочитал ссылаться министр иностранных дел Британии Каслри, была статья VI Союзного трактата Четверного союза, которая предлагала проведение совещаний и собраний для поддержания общего спокойствия в Европе. Согласно Г. Киссинджеру, внешняя политика Британии, по крайней мере на европейской арене, оставалась оборонительной и придерживалась принципов невмешательства во внутренние дела других государств. Министр иностранных дел Австрии К. фон Меттерних, напротив, выступал против любых изменений в восстановленном порядке, и Александр I, надеясь включить второстепенные государства в будущие переговоры, выступал за договор о гарантиях, или Союз солидарности (*Alliance Solidaire*), который должен был запускать механизм коллективного ответа в случае территориальной агрессии или внутренних революций¹⁰².

---

¹⁰² «Система конференций» отсылает к посольским конференциям, таким как те, что были учреждены в Лондоне, Франкфурте и Париже для решения проблем реализации Парижских мирных договоров, территориальных соглашений в Германии и отмены работоторговли. После Венского конгресса посольские конференции функционировали как полупостоянные организации, на которые возлагалась задача по ведению переговоров по отдельным отношениям и политикам или их отслеживанию. Посольские конференции оставались на удалении от великих держав (Австрии, Британии, Франции, Пруссии и России), что собирало вместе глав государств и/или их представителей для обсуждения неразрешенных вопросов и реагирования на новые возникающие кризисы [Kissinger 1957: 221–229]. Об идее объединенной Европы см.: ВПР. Т. II (X). Док. 149 (не ранее 16 (28) сентября 1818 г.). Записка Александра I российским уполномоченным на Аахенском конгрессе. С. 503. На протяжении 1817 года Каподистрия настаивал на договоре о гарантиях. ВПР. Т. II (X). Сноска 215. С. 806.

Всеобщий союз европейских государств

На протяжении нескольких лет активной военной и дипломатической деятельности с 1812 по 1823 год император Александр не терял из виду суровых реальностей миротворческой деятельности в Европе и не прекращал тяжелой работы [Орлик 1998: 29–35; Rey 2012; Schroeder 1994: 225–229]. Несмотря на то что наступали моменты, когда вера в себя и сила духа покидали его, русский император показал себя стойким и прагматичным реалистом, нацеленным на военные победы и обеспечение безопасности. Примеры этой динамики можно увидеть в докладе от 24 июня (6 июля) 1818 года, который для Александра подготовил Каподистрия, один из двух министров иностранных дел и один из тех либералов, которые, как некоторые полагают, оказали влияние на дипломатию¹⁰³. После описания дипломатических принципов, соблюдаемых правительством России с того момента, как Парижские договоры довершили дело всеобщего умиротворения, в докладе анализировались ключевые вопросы, требующие рассмотрения на Аахенском конгрессе. Российское правительство, как писал Каподистрия, стремилось поддерживать политические отношения ассоциации европейских государств «под охранительной (*conservateur*) эгидой *международного права (du droit des gens)*». Основываясь на принципах истины, доброжелательности, умеренности и справедливости, союзные государства действовали, чтобы обеспечить соблюдение заключенных договоров в духе согласия, дружбы и доверия, во всяком случае публично. Встречи в Аахене продолжили политический процесс, начатый в Вене и Париже, окончательные результаты которого не вызывали сомнений. Проще говоря, союзные государства, обогащенные просвещенным опытом, нацелились на обеспечение мира и всеобщего процветания. При подготовке доклада Каподистрия отметил сходство со всеми официальными переписками между союзниками начиная с 1815 года, включая договоры и акты, заключенные до и во время этих переговоров. В дополнение министр иностранных дел привел обзор инструкций, высланных русским дипломатам, и их доклады в Санкт-Петербург. Основываясь на этих источниках, был проведен анализ отношений между Россией и проводимой союзными государствами политикой, в частности, были рассмотрены конкретные различия в понимании европейской системы.

В то время как Австрия и Британия желали вести переговоры в рамках полномочий Четверного союза, император Александр обуславливал свою позицию исходя из братского и христианского союза (отсылка к Священному союзу, Всеобщему европейскому союзу и Великому союзу)¹⁰⁴. Согласно Каподистрии, император стремился к единодушию, настаивая при этом на строгом следовании предписаниям договора. Чтобы выглядеть беспристрастным и бескорыстным, он предпочитал облечь любую дипломатическую дискуссию в регулярную и публичную форму. Другими словами, хотя Австрия и Британия стремились ограничить процесс принятия решений об общеевропейской политике Четверным союзом, Александр представлял себе более инклюзивный процесс с широким вовлечением всех европейских государств. Напряжение между Россией, стремящейся к единодушию, и союзниками, склоняющимися к эксклюзивным правам, проявлялось в дискуссиях по ряду проблем: по пармскому вопросу, по присоединению Испании к Заключительному акту Венского конгресса и по участию Баденского двора в принятии решений по региону Майн-Таубер¹⁰⁵. Еще одной проблемой, рассмотрения кото-

¹⁰³ ВПР. Т. II (X). Док. 127 (24 июня (6 июля) 1818 года). Доклад Министерства иностранных дел Александру I. С. 409–433.

¹⁰⁴ Согласно этому докладу, провалившиеся попытки Австрии и Британии обновить Шомонский трактат привели к созданию Четверного союза 8 (20) ноября 1815 года. Историки склоняются описывать Четверной союз как возобновление Шомонского трактата.

¹⁰⁵ Пармский вопрос (*affaire de Parme*) зародился из статьи XCIX Заключительного акта Венского конгресса, согласно которой итальянские герцогства Парма, Пьяченца и Гвасталла отходили императрице Марии-Луизе, жене Наполеона, и которая одновременно определяла право обратного наследства (*reversibilité*) с возвращением этих герцогств Испании. На основа-

рой желала Россия в рамках Всеобщего союза, была отмена работорговли. На Лондонской конференции Португалия и Испания достигли соглашения с Британией по конкретным мерам по ограничению работорговли¹⁰⁶. Россия применила похожий подход, созвав Посольскую конференцию в Париже для переговоров по ликвидации долга Франции и сокращению размера оккупационных войск. Австрия, Британия и Пруссия, напротив, предпочитали, чтобы эти вопросы были решены до начала Аахенского конгресса¹⁰⁷. Проходившие консультации иллюстрировали важность поставленного Каподистрией вопроса: лежит ли в основе европейской политической системы элитарный Четверной союз или более открытый Всеобщий союз. Каподистрия считал, что Австрия и Британия выступали за Четверной союз, а политика Пруссии оставалась неопределенной. Россия же, наоборот, выступала за более открытую систему, основанную на законности и открытости¹⁰⁸.

Почему, продолжал Каподистрия, Вена и Лондон поддерживали такие близкие связи? Основная причина таилась в огромной мощи России и ее вмешательстве во все европейские дела. В ходе предыдущих переговоров в Вене и Париже либеральные идеи Александра I оказались решающими в примирении французского народа с законным королевским режимом. Влияние императора также помогло укрепить независимость и нейтралитет Швейцарии, вернуть Польше ее государственность и обеспечить лучшее будущее Европы. Эти успехи, в сочетании с Актом от 14 (26) сентября 1815 года, убедили правительства Австрии и Британии в том, что Александр стремился и продолжает стремиться к всеобщему господству. Хотя это было очевидным абсурдом, эти предположения убедили союзников постараться изолировать Россию от Франции, Германии, Испании и почти всех остальных второстепенных государств. Действия от имени Четверного союза облегчили бы задачу изоляции России. На тот момент эти усилия не увенчались успехом, и союзники были вынуждены принять факт участия Франции в конференциях Аахенского конгресса. Каподистрия пришел к выводу, что, хотя австрийское прочтение Четверного союза обязывало Россию принимать политику союзников, правительства в Берлине, Лондоне и Вене по-прежнему были вправе заключать сепар-

---

нии статьи ХСІХ испанский король из династии Бурбонов выступал против передачи итальянских герцогств эрцгерцогине Марии-Луизе Австрийской и ее потомкам. Россия стремилась к присоединению Испании к Заключительному акту Венского конгресса, а Британия и Франция поддержали претензии Испании на итальянские герцогства после смерти Марии-Луизы. Основываясь на договоре от 29 мая (10 июня) 1817 года, подписанном Австрией, Британией, Францией, Пруссией, Россией и Испанией, а затем закрепленном в Генеральном акте Франкфуртской территориальной комиссии, подписанном Австрией, Великобританией, Пруссией и Россией, после смерти эрцгерцогини Марии-Луизы эти герцогства переходили к инфанте Марии-Луизе Испанской, ее сыну Карлу Людовигу и его прямым потомкам по мужской линии, при этом округа, лежащие на левом берегу реки По, оставались под контролем Австрии, а Княжество (затем Герцогство) Лукка переходило к Великому герцогству Тосканскому. Австрия также сохраняла гарнизон в Плезансе. См. [Мартенс 1874–1909]. Т. 3. № 79–96. Заключительный акт Венского конгресса с приложениями (38 мая (9 июня) 1815 г.). С. 207–315; т. 4. № 107 (29 мая (10 июня) 1817 г.). С. 55–61; № 110 (8 (20) июля 1819 г.). С. 146–186; № 111 (4 (16) марта 1816 г.). С. 187–204; № 112–113 (19 (30) июня 1816 г.). С. 204–224; № 114 (27 октября (8 ноября) 1816 г.). С. 224–238; № 115 (4 (16) ноября 1816 г.). С. 238–240; № 116 (28 февраля (12 марта) 1817 г.). С. 241–242; № 117 (5 (17) апреля 1817 г., 21 ноября 1815 г.). С. 243–246; № 118 (29 мая (10 июня) 1817 г.). С. 246; № 119–120 (29 июня (10 июля) 1819 г.). С. 246–251; № 121 (2 (14) апреля 1816 г.). С. 251–264.

¹⁰⁶ Каподистрия утверждал, что интересы Испании в Северной и Южной Америке, которые не входили в отдельную и элитарную систему Четверного союза, должны были быть согласованы в ходе переговоров и в рамках публичного права.

¹⁰⁷ Герцог Веллингтон, действовавший от имени союзников, уже провел с Францией обсуждение вопроса о прекращении военной оккупации.

¹⁰⁸ В предыдущих сообщениях Каподистрия и другие дипломаты выдвигали аналогичные аргументы, критикующие Четверной союз и австро-британскую политику. См. ответ генерала К. Поццо-ди-Борго, представителя Александра I в Париже, на указания Каподистрии в донесении от 27 марта (8 апреля) 1818 г. СИРИО. Т. 119. № 306 (25 апреля (7 мая) 1818 г.). С. 674–688; ВПР. Т. II (X). Аннотация (25 апреля (7 мая) 1818 г.). С. 351. Несколько месяцев спустя Каподистрия, говоря от имени Александра, напомнил Поццо-ди-Борго, что император не стремился установить особые отношения с Францией или Испанией, что он продолжал видеть союзническое единство и присоединение к существующим договорам все так же необходимым для мира и что Поццо-ди-Борго должен умерить свои публичные заявления о привязанности к Франции. См. письма Каподистрии от 10 (22) июля 1818 г., опубликованные в СИРИО. Т. 119. № 347. С. 772–777. О беспокойствах Британии о Поццо-ди-Борго, в частности касательно Франции, см.: ВПР. Т. II (X). Док. 134 (10 (22) июля 1818 г.). Каподистрия Ливену. Секретно и доверительно. С. 457–462.

ратные соглашения и действовать независимо от Союза. Чтобы подкрепить этот аргумент, министр иностранных дел описывал цели внешней политики Австрии и Британии, заключавшиеся в долгосрочном подчинении Франции и Испании, зависимости Нидерландов и Португалии от Британии и подчиненности итальянских государств власти Австрии. Другие шаги, направленные на блокировку сил России, включали в себя вооружение Германского союза против мнимых завоевательных замыслов России, установление прямых отношений между Германским союзом и Османской Портой, вмешательство в отношения между северными государствами, и наконец, вмешательство в дела России с Персией и Турцией. Однако Каподистрия настаивал, что вопреки проводимой союзниками политике недоверия и зависти побуждения России оставались чистыми, виды доброжелательными, а политика правительства искренней и честной¹⁰⁹.

Каподистрия также полагал, что, по крайней мере до марта 1816 года, Пруссия избегала вступления в такие союзы, строившиеся на недоверии, и казалась приверженной принципам Священного союза. Написанная прусским статским советником И. Ансильоном памятная записка описывала Акт от 14 (26) сентября как источник предложенного Всеобщего союза¹¹⁰. Всеобщий союз должен был предоставить взаимную гарантию (*garantie solidaire*) территориальной целостности, закрепленную как Венскими и Парижскими договорами, так и другими соглашениями между европейскими государствами. Такая гарантия должна была обеспечить неуклонное соблюдение принципа законного суверенитета. Используя девиз «все за одного, один за всех», она бы требовала от европейских государств взяться за оружие против любой силы, нарушающей кодифицированные территориальные границы¹¹¹. Сила тогда не угрожала бы праву, а право было бы поставлено под защиту силы. Второстепенные государства находились бы под защитой великих держав и, таким образом, получили бы новые права, а не утратили бы их. С уважением к законности суверенитета договаривающиеся державы должны были предотвращать посягательства на него путем применения насильственных средств или изменений, производимых снизу вверх (*de bas en haut*), и каких бы то ни было революций. Следовало уважать внутреннюю свободу каждого государства, а правительства, которым угрожали бы внутренние волнения, могли бы обратиться к державам-гарантам, у которых, в свою очередь, были бы права защитить находящиеся под угрозой власть и общественный порядок. Всеобщий союз, как его предлагал Ансильон и понимал Каподистрия, позволил бы каждому государству работать в направлении реформирования и совершенствования собственных общественных институтов, предупреждая нововведения, произведенные насильственным путем.

Император России с одобрением отнесся к предложению Пруссии и попросил консультаций с союзниками. Однако к моменту написания доклада Каподистрия мог сообщить лишь то, что по данному предложению не велись никакие дальнейшие переговоры. Министр иностранных дел рассматривал это как отказ со стороны Австрии и Британии. Вместо Всеобщего союза в развитие Акта от 14 (26) сентября они предпочли исключительную систему Четвертого союза. На тот момент Каподистрия также предполагал, что очевидное решение Пруссии

¹⁰⁹ Подозрения Каподистрии о попытках Австрии и Британии ослабить Россию, на этот раз через союзы с Турцией и Персией, сохранились и после Аахенского конгресса. См.: ВПР. Т. II (X). Док. 180 (19 (31) декабря 1818 г.). Записка Каподистрии. С. 611–625. В 1816 году Россия призывала итальянские государства сопротивляться австрийским вторжениям и даже предлагала возможность союзнического вмешательства (которое в этом случае не означало военных действий). Официальное вмешательство альянса могло быть моральным или политическим, а не военным. См.: ВПР. Т. I (IX). Док. 22 (7 (19) февраля 1816 г.). Александр I Виктору-Эммануилу I. С. 80–81; док. 23 (13 (25) февраля 1816 г.). Нессельроде посланнику в Турине Козловскому. С. 82–85; док. 40 (31 марта (12 апреля) 1816 г.). Нессельроде генерал-майору Тейлюфан-Сероскеркену. С. 134–135; ВПР. Т. II (X). Док. 144 (16 (28) августа 1818 г.). Нессельроде А. В. Сверчкову. С. 489–493.

¹¹⁰ Иоганн Петер Фридрих Ансильон (1767–1837). См.: *Tableau des revolutions du système politique de l'Europe depuis la fin du quinzième siècle*, 7 vols. (Paris: Imprimerie de la Fiarpe, 1806–1807). Многие дипломатические документы того времени не использовали название «Священный союз», называя его вместо этого союзным договором от 14 (26) сентября 1815 года.

¹¹¹ Территориальные споры должны были бы решаться путем арбитража на конгрессах при участии правителей или их представителей.

встать на сторону Австрии и Британии произошло из-за тенденции державы поддерживать британскую позицию по Португалии и Испании и из-за секретности вокруг австрийско-пруссских переговоров о Германском союзе. Как бы то ни было, когда союзники начали планировать повестку встреч в Аахене, единство Австрии, Британии и Пруссии казалось нерушимым.

В действительности союз четырех великих держав – Четверной союз – оставался крепким. Все были согласны, что целью конгресса было упрочение европейской системы, чтобы оградить мир от возобновления революций и от права сильнейшего (*le droit du plus fort*). Каподистрия неоднократно проводил границу между Четверным союзом, основанным на принципе исключительности, и Всеобщим союзом, основанным на Акте от 14 (26) сентября, как предположительно представлял себе Ансильон, однако он также признавал, что с 1815 года Россия придерживалась политики Всеобщего союза. Именно из-за того, что Акт от 14 (26) сентября устанавливал христианское братство между государями и их народами, ни одно правительство не могло осмелиться выносить решение об интересах других без их участия. Также важно, что Четверной союз, устанавливающий благоприятные для восстановления французской монархии принципы, никогда не наделял союзников правом вмешиваться в дела, касающиеся других государств. Так как австрийское правительство видело Четверной союз подтверждением Шомонского трактата, который оно надеялось возобновить в Аахене, Австрия желала применить содержащиеся в нем гарантии для поддержания законной власти во Франции. Между Шомонским союзным трактатом, Четверным союзом, Священным союзом и Всеобщим союзом были значительные различия, однако в эти несколько месяцев до конгресса ничто не угрожало единству союзников¹¹².

В своем докладе Каподистрия неоднократно утверждал, что Четверной союз, будучи тайным союзом, ограниченным лишь четырьмя державами, не мог давать адекватный ответ для борьбы с революцией и для пресечения территориальных захватов. Как только Союз решил бы действовать, его действия стали бы публичными и повлекли бы пагубные нравственные последствия. При таком сценарии не состоящие в союзе государства фактически находились бы под опекой четырех великих держав, а такое положение подорвало бы их авторитет, нанесло бы ущерб их чести и унизило бы достоинство их народов. Эти нравственные последствия начали бы подпитывать революционные настроения того века. Обязательства бороться с революциями и вторжениями наложили бы на договаривающиеся стороны дополнительное военное бремя, что никак бы не уберегло от потрясений и беспорядков. Что еще хуже, Европа оказалась бы разделенной на две части. Решения Четверного союза казались бы стремлением к господству над всей Европой, и остальные государства воспротивились бы такому унижению и такой несправедливости. Каподистрия решительно отвергал утверждение Австрии о том,

¹¹² Уполномоченные России на Аахенском конгрессе 2 (14) октября 1818 года представили уполномоченным Австрии, Великобритании и Пруссии, а также Фридриху фон Генцу и герцогу Веллингтону записку, которая содержала анализ Шомонского трактата и договора о Четверном союзе. В записке утверждалось, что *принципы анализа* предполагают, что договор подразумевает обязательство, и что всякое обязательство диктуется определенными *мотивами (motif)* и *целями (but)*. Акт, содержащий обязательство, устанавливает *средства* для подтверждения первых и достижения вторых. *Мотивом* четырех держав, подписавших Шомонский трактат, был мир с Бонапартом, *их целью* – оборонительная система против него, *средствами* – «пакт солидарности», гарантирующий взаимную безопасность четырех держав и предлагавший то же самое другим европейским государствам, стремящимся избежать господства завоевателя. Подвергнув Четверной союз тем же *принципам анализа*, записка определила его *мотив* как поддержание всеобщего мира, покоящегося на реставрации французской монархии и Заключительном акте Венского конгресса. *Целью* Союза была вооруженная система, направленная против Франции на тот единственный случай, если бы Франция нарушила пакт, связующий ее в силу законной и конституционной власти короля с «европейским содружеством». Наконец, *средством* была солидарность договаривающихся сторон по следующим пунктам: исключение семьи Бонапарта из престолонаследия во Франции; согласие с королем Франции, чтобы противодействовать революции и подавить ее, если она в других формах посягнет на законную и конституционную власть короля; военные меры помощи оккупационной армии на случай нападения на нее; военный союз в случае, если охваченная революцией Франция станет державой, угрожающей ниспровергнуть европейскую систему; и совещания монархов для обеспечения исполнения договоров и укрепления отношений, которые объединили их для счастья мира. ВПР. Т. II (X). Док. 154. (2 (14) октября 1818 г.). Записка уполномоченных России на Аахенском конгрессе уполномоченным Австрии, Великобритании и Пруссии. С. 514–517.

что спасение Европы Четверным союзом означало зависимость мира в Европе от Четверного союза. Относительно неспособности Союза предотвратить будущие революции или оправдать чаяния второстепенных государств он был прав, однако не было никаких оснований полагать, что более инклюзивный союз с многочисленными действующими участниками мог бы отвечать на меняющиеся условия так же эффективно, как будущий великий союз пяти великих держав во взаимодействии с заинтересованными сторонами.

Ссылаясь на приписываемые Ансильону идеи, Каподистрия призывал к созданию Всеобщего союза согласно принципам Акта от 14 (26) сентября, которые должны были обеспечить прогресс европейской системы и укрепить законную и конституционную власть во Франции. Франция исполнила свои обязательства, указанные в договорах 1815 года. Действия Людовика XVIII и французского правительства доказали, что с законностью трона и с представительной системой национальные интересы обрели определенные очертания. Даже несмотря на то что союзникам были необходимы меры предосторожности, чтобы предотвратить возврат революций, обстановка во Франции казалась стабильной, и эта страна больше не представляла угрозы для Европы. После окончания оккупации союзными войсками Всеобщий союз действительно послужил бы лучшей защитой Франции как от внутренней революции, так и от внешней агрессии. Среди возможных внутренних причин для революции Каподистрия выделял сторонников Наполеона («узника Святой Елены») и его сына или злоупотребление королевской властью, что было более вероятно. Внешняя угроза исходила от Австрии и Британии, так как оба этих государства не желали сильной Франции, способной бросить вызов австрийской экспансии в Италии или британским торговым интересам и морскому господству. Каподистрия был уверен в одном: чтобы устранить потенциальные причины революции как внутри, так и снаружи, требовались меры, выходящие за рамки существовавших союзов.

Каподистрия обозначал такие меры через идею Всеобщего союза. Как можно было сохранить законную королевскую власть и управляющую Францией конституционную хартию, основанную на втором Парижском договоре (8 (20) ноября 1815 года)? Что не менее важно, при каких условиях – например, при новой революции, – будет считаться, что Франция нарушила договорные обязательства, давая таким образом союзникам право исключить ее из европейского сообщества и силой вернуть ее на путь уважения права (*casus foederis*)? Каподистрия сделал удивительно идеалистическое заявление о том, что путем предоставления взаимной гарантии целостности территориальных владений государств братский и христианский союз устранил бы всю привлекательность революций, завоеваний и грабежей. Взаимная гарантия лишила бы народы надежд, что можно улучшить свое состояние, отдавая меньше и получая больше. В то время как олицетворением революции являлся не кто иной, как завоеватель, покушающийся на законную собственность и власть, монархи-завоеватели тоже были революционерами, только облачившимися в порфиру. В любом случае речь шла «о торжестве права сильного и безнравственного». Взаимность территориальных гарантий могла бы отбить охоту к таким притязаниям, а затем «Провидение и время довершили бы остальное».

В следующем разделе доклада Каподистрия рассматривал отдельные возражения против идеи взаимной гарантии или Всеобщего союза. Среди них было и беспокойство о надменности Франции и возможном ослаблении Четверного союза, который в глазах многих был более эффективным средством по достижению целей, приписываемых Всеобщему союзу. Каподистрия возражал, что равенство и взаимность со стороны каждого из государств, вступивших во Всеобщий союз, смягчили бы любое проявление французского тщеславия, которое могло бы привести к тому, что восстановленный режим нарушил бы согласие между союзными державами. Парижский договор обязывал Францию сохранять королевскую власть в лице династии Бурбонов и иметь правление, основанное на представительной системе. Ни одна другая великая держава не взяла на себя подобного обязательства; таким образом, в рамках Всеобщего союза Франция фактически находилась бы под доброжелательной опекой всей Европы. Это

бы привело к упрочению восстановления страны, а возможную агрессию со стороны Франции против Австрии, Бельгии, Германии, Италии или Швейцарии можно было бы легко пресечь. На протяжении предыдущих трех лет четыре великие державы решали политические вопросы в союзе и единодушии при участии, а не исключении, других заинтересованных сторон. Здесь кажется, что Каподистрия противоречил тому, как он ранее описывал Четверной союз, говоря о его эксклюзивности. Очевидно, что занимаемая Четверным союзом позиция в текущих мирных переговорах не препятствовала участию других государств, чьи интересы затрагивались. Как описывал сам Каподистрия, с 1815 года европейской политикой управляло взаимное доброжелательство, заявленное в Акте от 14 (26) сентября. И все-таки, заключал министр, основываясь на здравом смысле и опыте, именно Всеобщий союз укрепил бы Четверной союз, а не наоборот. Именно Всеобщий союз, неоднократно отождествляемый со Священным союзом, позволил бы союзу четырех держав выстоять независимо от текущих условий. У четырех великих держав не только не было бы стимула действовать против союза; против духа мятежа, царившего среди народов, выступило бы большинство государств Европы, желавших сохранить систему, обеспечивавшую территориальную безопасность, гражданские и политические свободы и существенное признание.

Безжалостный в своей критике Четверного союза, Каподистрия далее утверждал, что эксклюзивный союз содержал в себе элементы распада и раздора. Критически важным оставался вопрос о том, как предотвратить возвращение к отдельным союзам, политическому эгоизму, революции, военному деспотизму и праву сильнейшего. Каподистрия рассматривал Четверной союз и Всеобщий союз как отдельные системы или политики. Он недооценил степень, в которой они функционировали как взаимодополняющие компоненты в многосторонней европейской системе под надзором Четверного союза и были нацелены прежде всего на сохранение единства и мира¹¹³. Для Каподистрии в меньшей степени, чем для императора Александра, Всеобщий союз предоставлял прекрасную возможность для улучшения европейской системы. Согласно докладу министра иностранных дел, миру угрожали две тенденции: 1) стремление народов или их лидеров (*meneurs*) установить новые отношения между странами и государями путем революции снизу и 2) желание правительств воспроизводить или поддерживать старую политику, т. е. произвол в сфере внутреннего управления и отдельные союзы в области международных отношений. Так как революция повлияла на каждую европейскую страну, Всеобщий союз на основании Акта от 14 (26) сентября, который критики иронично называли священным союзом монархов против народов, обязывал бы все европейские государства сохранять существование своих союзников на равных основаниях. Только такая форма союза, заключал Каподистрия, могла противостоять революционным амбициям. Всеобщий союз был бы направлен не против прогресса общественных институтов, но против нововведений, достигнутых насильем. Принесшая мир Европе система существовала в Венских и Парижских соглашениях и в Акте от 14 (26) сентября. Таким образом, не было никакой необходимости в создании новых политических союзов. Заключенные договоры уже охватывали все интересы европейской семьи, а Всеобщий союз уже существовал в Акте от 14 (26) сентября.

Зачем нужно было новое соглашение, если заключенные договоры уже представляли собой Всеобщий союз? Пытаясь убедить союзников, что официальная коллективная гарантия, или Всеобщий союз, не изменили бы здание мира, возведенное с таким трудом в 1814–1815 годы, российское правительство многократно опровергало доводы о заключении другого положительного соглашения. Что подразумевалось под принятием решений на основе Всеобщего союза и кто именно должен был принимать эти решения? Достигнутые в Вене, Париже и где-либо еще соглашения не были сформулированы всеми участвующими или затронутыми

¹¹³ Здесь следует добавить, что, хотя лишь в редких случаях и неумышленно, дипломатические документы того времени все же признавали целью приверженность сохранению господства великих держав.

сторонами. Раз за разом четыре великие державы принимали решения между собой, проводя консультации с заинтересованными сторонами и приглашая затем другие государства присоединиться к соглашению. Можно было понять, почему Каподистрия предпочитал Всеобщий союз Четверному, но с сегодняшней точки зрения в его анализе сложно не заметить призывы греческого патриота, говорящего от имени малых народов Европы¹¹⁴. Позиция императора Александра по вопросу союза казалась менее последовательной, чем позиция его советника, хотя историки и видят в предложениях России поддержку Союза солидарности (*Alliance Solidaire*). В то же самое время, когда казалось, что проблемы второстепенных государств пересекались с первоочередными целями европейского мира, русские дипломаты без промедления пользовались привилегией великой державы¹¹⁵. Мирный процесс 1814–1815 годов был образцом для такого подхода, и упорное желание России представлять интересы польского народа вопреки обещаниям конституционных отношений демонстрировало это как нельзя лучше.

Император Александр одобрил доклад Каподистрии от 24 июня (6 июля) 1818 года и запросил подготовить меморандум (*mémoire*) к представлению на Аахенском конгрессе. Меморандум от 12 (24) июля официально так и не увидел свет. Правительству России стало известно о союзной оппозиции официальному договору о Всеобщем союзе. В результате 26 сентября (8 октября) Россия представила измененный «Конфиденциальный мемуар Русского кабинета» виконту Каслри, князю Гарденбергу, князю Меттерниху и герцогу Веллингтону¹¹⁶. В течение предыдущих трех лет, как было заявлено в меморандуме, буква и дух заключенных в 1815 году договоров сохранялись. Однако как союзные дворы собирались обеспечивать мир, зависящий от французской реставрации, после окончания военной оккупации? Как бы они защитили Европу от двойной опасности возобновленной революции и торжества права сильнейшего?

По существу, договоры 1815 года решали эти вопросы путем создания нового европейского порядка, сдерживающего революцию и защищавшего все интересы под эгидой справедливости. Союз великих держав (*grands Etats*) стал общим союзом всех государств Европы. Во Францию вернулось легитимное правительство, укрепленное институтами, объединявшими права правящей династии и права народа. Принципы равенства, дружбы, доверия и гармонии – результат работы великих держав и Божественного провидения – преодолели ошибки прошлого, происходившие из человеческого эгоизма и отдельных или элитарных союзов (*combinaisons*). При «империи христианской морали и права наций» Европа начала жить в мире и благополучии. В качестве всеобщего объединения европейская система имела под собой правовое основание, заложенное Заключительным актом Венского конгресса и Парижскими договорами. Ее охранительные принципы (*principe conservateur*) были братским объединением союзных держав, а ее главной целью было гарантировать все признаваемые права. Будучи скорее результатом работы Божественного провидения, нежели какого-либо правительства, эта система выступала за «интересы, наиболее дорогие великой европейской семье и каждому государству в частности». Эта система, запечатленная в людских сердцах и претендующая на вечный статус, обеспечивала благотворные условия для общественного порядка в союзе государств; неприкосновенность личности и имущества, обеспечивающую законный суверенитет, существующий издревле или признанный действующими трактатами; и наконец, территориальные владения каждой державы. Помещая предложение России в широкий контекст евро-

¹¹⁴ Потрясающий и романтический исторический персонаж, Каподистрия стал первым временным президентом Греции в ее Новой истории.

¹¹⁵ О более раннем анализе предложения России по договору о гарантиях см. [Wirtschafter 2019: 245–262]. Г. Киссинджер описывает предложение Александра касательно договора о гарантиях как доктрину всеобщего вмешательства во внутренние дела всех стран, наложенную на систему коллективной безопасности [Kissinger 1957: 225–226].

¹¹⁶ СИРИО. Т. 119. № 370 (26 сентября (8 октября) 1818 г.). С. 832–844.

пейской реставрации, меморандум отмечал, что, как и при любых переговорах между союзными правительствами, здесь рассматривались текущие и будущие интересы.

В первую очередь на Аахенском конгрессе необходимо было рассмотреть вопрос военной оккупации Франции, которая, в соответствии с договорами 1815 года, рассматривалась как материальная гарантия европейской системы. Однако для защиты Европейской ассоциации от революции и торжества права сильнейшего требовалась и нравственная сила, бóльшая чем обновление существующих обязательств и временных материальных мер. Эту силу можно было обнаружить в текущей европейской системе и в союзе, символизирующем сплоченность и неделимость этой системы. Среди составных частей нравственной силы были Четверной союз и Всеобщий союз: первый рассматривался как исходный, а второй – как производный. Четверной союз, согласно Акту от 8 (20) ноября 1815 года, учреждал вооруженную федерацию с целью защиты во Франции легитимной конституционной монархии. С точки зрения миротворцев, видевших в реставрации французской монархии фундамент европейской системы, эта федерация выполняла критически важную функцию. Всеобщий союз, основанный на Заключительном акте Венского конгресса и последовавших Парижских договорах, гарантировал неприкосновенность территориальных владений и легитимного представительства на данных территориях (*propriété*). Четверной союз великих держав, сформированный успешными присоединениями 1814–1815 годов, на практике превратился во Всеобщий союз. Потерпев неудачу в попытках убедить союзников принять договор о коллективной гарантии, правительство России пыталось теперь укрепить Всеобщий союз, представляя его как что-то уже существующее.

Русские дипломаты ставили вопрос таким образом, что в случае возвращения революции во Франции Европа погрузилась бы в пучину хаоса, и без Всеобщего союза невозможно было бы сгенерировать достаточно усилий и самоотверженности, чтобы ответить на этот кризис. Заявляя о своем полном согласии с союзниками, русский монарх надеялся, что Аахенский конгресс разъяснит истинные отношения между Четверным и Всеобщим союзами. Как только это отношение было бы правильно истолковано, вся Европа приняла бы три основных пункта. Во-первых, единственное предназначение Четверного союза было поддерживать легитимную конституционную монархию во Франции, в соответствии со (вторым) Парижским договором. В этой связи Четверной союз был готов, с моральной и военной сторон, оккупировать Францию, в случае если она нарушит договорные обязательства. Во-вторых, Заключительный акт Венского конгресса и Парижские договоры установили Всеобщий союз между странами-участницами, целью которого была взаимная гарантия территориальных владений, принадлежавших легитимному правительству каждого государства *ab antiquo*¹¹⁷ или признанных договорами. И наконец, основываясь на третьем пункте соглашения между союзниками, первоначальные участники договоров 1815 года и присоединившиеся впоследствии стороны – все они входили во Всеобщую ассоциацию европейских государств. Представляя миру эти три истины, собравшиеся в Аахене государства исполнили бы статью V Второго парижского договора и статью VI Союзного трактата Четверного союза. Они бы также сохранили опекающую и консервативную силу Четверного союза. Сам факт встречи и в особенности строгое следование союзниками существующим договорам предоставляли европейской системе новую гарантию стабильности. Организация конгресса и предстоящая работа также представляли собой реализацию договорных обязательств, включая еще не выполненные положения, требовавшие внимания союзников.

Как описывал российский меморандум, и как в итоге получилось, выработанные в ходе конгресса протоколы расширяли и уточняли обязательства, уже накладываемые соглашениями Четверного союза, Заключительным актом Венского конгресса и Парижскими договорами. Подтверждая Четверной союз, эти протоколы должны были определять *casus foederis*,

¹¹⁷ Издревле (лат.). – Примеч. ред.

допустимые к применению союзниками меры военного воздействия, организацию будущих встреч монархов, регулярных и экстренных, включая меры предосторожности, разработанные для предотвращения ущерба достоинству других дворов или ослабления уз Всеобщей ассоциации при их проведении. Еще одним результатом работы конгресса должна была стать декларация, в которой великие державы объявили бы всей Европе результаты работы конгресса и заявили бы о решимости союзников выполнять существующие договоры. Эта декларация разъясняла бы основы освобождения французских территорий и остающиеся в силе гарантии, включая ответственность всех стран, подписавших Венские и Парижские соглашения. Российское правительство принимало необходимость сохранения Четверного союза только в том случае, если бы потребовалось дать быстрый ответ на катастрофические действия во Франции, однако действительной причиной любых действий Союза было стремление сохранить общий мир в сотрудничестве со всеми европейскими государствами. И наконец, чтобы предотвратить превращение Четверного союза в отдельный или элитарный союз, эта декларация предписывала бы правительствам и нациям обращать внимание на нравственные гарантии, уже данные и закрепленные взаимными обязательствами. Если бы общему миру угрожали революции или завоевания, четыре великие державы были готовы выполнить свои обязательства. После пояснения своих коллективных обязательств они пригласили бы другие европейские государства, в том числе Францию, присоединиться к этой декларации. Для опасавшихся положения внутри Франции стало бы очевидно, что французская революция привела бы к исключению страны из Всеобщей ассоциации.

В заключении меморандума объявлялось, что, во избежание формирования оппозиционных союзов, одобренные на Аахенском конгрессе протоколы должны были подчеркивать взаимосвязь Четверного и Всеобщего союзов. Первый должен был действовать секретно, потому как добросовестность четырех держав была недостаточна, чтобы противостоять коварности человеческой природы. Кроме того, Четверной союз следовало распространить на все европейские государства. В ином случае второстепенные государства попытались бы заключить сепаратные соглашения с той или иной великой державой. Лишь пригласив европейские государства присоединиться к декларации Аахенского конгресса, можно было убедить их, что Четверной и Всеобщий союзы составляли единую невидимую систему, что эта система гарантировала все права и интересы, признаваемые существующими договорами, и что ни один сепаратный союз, якобы защищающий эти права и интересы, не мог бы стать частью международного публичного права. Как только правительства и народы признали бы ценность существовавших договоров, в частности территориальные гарантии и принцип легитимности, их нельзя было бы привлечь обещаниями расширения территорий и грабежа, связанными с революциями и завоеваниями. Как только опыт и время придали бы веса «моральной силе этой великой ассоциации», право стран оказалось бы под защитой гарантий, аналогичных тем, что защищают права личности. Это бы обеспечило безопасность правительств и народов, подавило бы дух революции и стимулировало бы прогрессивные изменения социальных институтов. Правительства стран, взявшие на себя добровольные, а не навязанные чьим-то диктатом обязательства, смогли бы подарить своим поданным реформированные институты. Как показала история, вместе с улучшением общественной жизни снижалась закрепощенность классов и отдельных людей. Целью коллективной ассоциации всех государств была бы «регуляция применения принципа взаимной обороны», принципа, в интересах человечества возведенного из «области гражданского общества в политический порядок». Из такого положения дел могли зародиться мудро управляемые свободы народов.

В приложении к меморандуму, также датированном 16 сентября (8 октября), правительство России давало оценку европейской политической системе. В процессе освобождения Европы от революций и завоеваний великие державы были движимы духом единства и христианского братства, что позволяло им основывать взаимные отношения на принципах закона (*droit*). Вос-

становливая легитимные монархии и государства, великие державы определяли территориальные владения и устанавливали механизмы по сохранению мира, независимости государств и продвижению народов на пути к настоящей цивилизации. Следование договорам 1815 года обязывало всех участников коллективно гарантировать их исполнение, установленные этими актами территориальные границы и законный суверенитет территориальных владений каждого государства. То, какой ответ союзники дали на возвращение Наполеона во Францию в марте 1815 года, доказало эффективность принципов, соблюдавшихся в 1813–1814 годах. В договоре от 13 (25) марта 1815 года определялись правила, по которым Великая федерация вынудила Францию вернуться к соблюдению закона. К осени 1818 года, к моменту ликвидации военных гарантий послушания Франции, было важно укрепить моральные гарантии, установленные союзниками.

В дипломатической переписке русские дипломаты неоднократно распознавали в существующих договорах ключевые компоненты новой нравственной силы. Верность принципам законного суверенитета и неприкосновенности территориальных владений обещали подарить миру долгий мир. В то же самое время согласие четырех великих держав представляло собой меру предосторожности, санкционированную в прошлом защищать Европу от угрозы возобновленной революции во Франции¹¹⁸. Российское правительство предполагало, что Четверной союз мог бы рассчитывать на выступление всех государств Европы против агрессивной революционной Франции. В этой связи на конференциях в Аахене необходимо было разработать правила управления всеобщей коалицией. Этого можно было достичь с помощью протокола или декларации, определявшей меры, к которым следовало прибегнуть в случае войны не только со стороны Четверного союза, но и со стороны других государств, присоединившихся к Парижским договорам и Заключительному акту Венского конгресса. Крайне важным для сохранения мира в Европе было явное заявление об отношениях между всеми государствами, объединяющимися во всеобщий пакт – пакт, который должен был бы предотвратить изоляцию четырех великих держав от остальных государств Европы и последующее формирование отдельных союзов и ответных союзов-противовесов. В свете претензий Испании и маневров Франции, стремящейся присоединиться к Четверному союзу, было важно прояснить, что Четверной союз был не более чем «центром Всеобщего союза европейской системы».

---

¹¹⁸ Когда революция вернулась во Францию в 1830 году, союзники не действовали, чтобы защитить законный суверенитет или спасти Европу от революционного духа.

Заседания и протоколы Аахенского конгресса

Несмотря на разногласия внутри Четверного союза и вопреки ожидаемой щедрости императора Александра по отношению к Франции, заседания и протоколы Аахенского конгресса продемонстрировали гибкость русской дипломатии, стремившейся прежде всего к сохранению единства союзников путем совместных действий и компромиссов. Союзники проводили заседания при всеобщем согласии по множеству проблем и на высоком уровне осведомленности о том, как взаимосвязаны различные составные части европейской системы и как они работают на практике. Особенно важно было то, какие различия обозначались между Четверным союзом, великим союзом «пятерки» (Четверной союз плюс Франция) и Всеобщим союзом европейских государств. Во время обсуждений сохранялись надежды России на коллективные гарантии, основанные на нравственных принципах Акта от 14 (26) сентября, однако они не играли ключевой роли на ежедневных заседаниях конгресса¹¹⁹. Однако в целом заседания и протоколы Аахенского конгресса соответствовали сути российских опасений, аргументов и предложений.

Первый пункт на повестке дня касался военной оккупации и финансовых обязательств Франции¹²⁰. Короли Франции и Британии, которые не присутствовали на конгрессе, были представлены полномочными представителями: Франция – герцогом Ришелье, Британия – виконтом Каслри и герцогом Веллингтоном. Три монарха – Франц I, Фридрих-Вильгельм III и Александр I – прибыли в Аахен, однако на ежедневных заседаниях Австрию представлял князь Меттерних, от имени Пруссии говорили князь Гарденберг и граф Бернсторф, интересы России отстаивали графы Нессельроде и Каподистрия. К общим заседаниям приглашались Франция и в отдельных случаях представители Португалии, Испании и различных германских государств. Остальные заседания считались закрытыми (*particulière*) и проводились только среди четырех союзных государств. Эти различия были значительными и создавали на заседаниях ощущение порядка, иерархии, конструктивного обсуждения и священного долга.

Конгресс был открыт 29 сентября (НС) обсуждением французского вопроса, в частности запроса Франции о скорейшем завершении военной оккупации¹²¹. Четыре союзных двора признавали экстренный характер ситуации, и 9 октября полномочные представители подписали конвенцию, которая завершала оккупацию и ликвидировала долг Франции, что обсуждалось с осени 1817 года¹²². Согласно Конвенции от 27 сентября (9 октября) 1818 года, союз-

¹¹⁹ РГАДА. Ф. 3. Оп. I. Д. 162. Это дело под названием «Précis du Travail des Conférences d'Aix-la-Chapelle» из архивов Каподистрии, и оно не представляет собой полный журнал заседаний Конгресса. Хотя в нем содержатся копии официальных протоколов, в него не включены дополнения, прилагаемые к отдельным заседаниям.

¹²⁰ Новаторское исследование оккупации ради гарантии, как это получилось на практике, см. [Наупес 2018].

¹²¹ В протоколах заседаний использовались даты по новому стилю (НС), в то время как русские источники обычно использовали двойные датировки, старый стиль (СС) и новый стиль (НС).

¹²² В ноте Ришелье от 10 сентября 1817 года содержался настоятельный призыв к союзникам облегчить финансовое бремя, возложенное на Францию, изменив условия компенсации для частных истцов, предусмотренные в Договоре от 30 мая 1814 года и в Конвенции от 8 (20) ноября 1815 года. Император Александр незамедлительно высказался в поддержку этой просьбы, утверждая, что Договор от 8/20 ноября 1815 года был направлен на обеспечение политического существования Франции в интересах Европы. В целом союзники отвергали изменения договоров 1814–1815 годов, однако в данном случае, ссылаясь на голландского юриста XVII века Г. Гроция, дипломаты могли бы утверждать, что события на практике (неспособность Франции заплатить неожиданно огромную сумму) изменили изначально предполагаемую основу конвенции. Таким образом, положения конвенции могли быть изменены без нарушения принципа законности. В то же время Александр пытался дать ясно понять, что его поддержка позиции Франции никоим образом не указывала на особый интерес к Франции или на стремление к улучшению частных отношений России с Францией или Испанией. СИРИО. Т. 119. № 211 (27 октября (8 ноября) 1817 г.). С. 438–443; № 213 (30 октября (11 ноября) 1817 года). С. 445–446; № 214–215 (1 (13) ноября 1817 г.). С. 446–460. Документы, разъясняющие взгляды России на союзную оккупацию, французские ссылки и долг Франции можно найти в РГАДА. Ф. 15. Оп. 1. Д. 279. Л. 91–96, 104–127об. Приложения к обзору от 5 (17) июня 1817 г. Наконец, в апреле 1820 года Александр согласился выплатить более 179 000 франков, чтобы компенсировать Франции расходы на содержание русских

ники согласились завершить эвакуацию военных сил с территории Франции к 18 (30) ноября 1818 года¹²³

войск, оставшихся в королевстве после ухода оккупационной армии. АВПРИ. Ф. 133. Оп. 468. Д. 2990. Доклады. Л. 27–27об. Черновое послание генерала П. ди Борго, одобренное Александром (13 марта 1820 г.); д. 2991. Доклады. Л. 49–50об. Черновое послание Шредера, одобренное Александром (24 апреля (6 мая) 1821 г.).

¹²³ ВПР. Т. II (X). Примечание (27 сентября (9 октября) 1818 г.). Конвенция между Россией и Францией о выводе войск с французской территории. С. 514. № 288 (27 сентября (9 октября) 1818 г.) [Мартенс 1874–1909, VII: 302–306]; РГАДА. Ф. 3. Оп. I. Д. 162. Л. 4об.–6об. Заседания от 9, 11, 12, 13 октября; л. 14–15об. Заседания от 3, 4 ноября.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.